

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть I

ГРАФ ГЛЕНКИРК

ГЛАВА 1

— Я бы хотела, — сурово произнесла Эллен Мор-Лесли, — чтобы вы не надевали бриджи, когда катаетесь верхом, мисс Катриона. Это же так неженственно.

— Но ведь это так удобно и практично, — возразила ей юная красавица. — Перестань браниться, Элли, или я отошлю тебя домой и тебе придется выйти замуж за того фермера, чья мамаша только об этом и мечтает!

— Ради всего святого, не надо! Уже молчу.

— Ладно, не бойся. Это просто шутка, — хихикнула хозяйка Эллен. — Если, конечно, сама не передумаешь. Он же вроде ничего, да и на ногах крепко стоит. Так почему бы и не выйти за него?

— Мне нужно, чтобы еще кое-что крепко стояло, а у фермера с этим как раз не очень! Ну, давайте снимайте же ваш верховой костюм! Фу! От него же несет как из конюшни! Вы же знаете, что сегодня вечером в честь вашего дня рождения на ужин придет граф. Не могу поверить, что вам уже пятнадцать лет. Я до сих пор помню ту декабрьскую ночь, когда вы родились.

Катриона со вздохом стянула костюм для верховой езды. Ей уже не раз приходилось слышать эту трогательную историю.

— Метель была ужасная. А как завывал ветер в ту ночь! — продолжила Эллен. — Старая графиня, ваша

прабабушка, настояла, что будет сидеть с вашей матушкой сама. Мне же тогда едва исполнилось семнадцать. Пусть я и была самой молодой у нас в семье, но, поскольку замуж не собиралась и рано вставать привыкла, моя бабушка поговорила со своей хозяйкой, вашей прапрабабушкой, и они решили, что я вполне гожусь в няни новорожденной. Старая леди Лесли, едва взглянув на вас, сказала: «Вот эта малышка и будет леди Гленкирк». Конечно же, когда она устраивала вашу помолвку, вы были едва прикрыты пеленкой. Если бы только она была жива! Вот порадовалась бы: вы выросли, замуж выходите, — но, к сожалению, она умерла следующей весной, а через несколько недель за ней последовала и моя бабушка.

Пока говорила, Эллен, не теряя времени, готовила ванну для молодой хозяйки. Бросив горсть ароматической соли в исходившую паром воду, она поторопила:

— Садитесь же, миледи. Все готово.

Большая дубовая емкость была поставлена перед камином, и девушка наслаждалась теплом, пока служанка терла ей плечи и спину. Потом Эллен принесла небольшой кувшин и вылила тонкой струйкой на густые волосы Катрионы золотистую жидкость, добавила воды и взбила сладко пахнущую пену. Дважды вымыв и ополоснув волосы, горничная обернула голову девушки полотенцем и помогла ей выйти из ванны.

Сидя у огня, завернутая в большую простыню, Катриона наслаждалась легкими движениями Эллен, которая расчесывала густую тяжелую гриву волос своей подопечной, пока они не заблестели. Скрепив заколками массу цвета темного золота, она жестом попросила девушку лечь и принялась массировать ее тело, предварительно умастив его светло-зеленой мазью, которую готовила ее мать Руфь. Когда с этим было покончено, Эллен протянула ей шелковое белье. Катриона уже была в нижней юбке и блузке, когда в комнату вошла ее мать.

В свои тридцать шесть лет Хизер Лесли Хей ничуть не утратила красоты и свежести. На ней было роскошное платье темно-синего бархата, отделанное золотистым кружевом; шею украшало редкое по красоте жемчужное ожерелье, которое, насколько знала Катриона, было приобре-

тено еще ее прапрабабушкой. Густые темные волосы почти целиком скрывал голубой с золотом чепец.

— Мы с отцом хотим поговорить с тобой до прибытия гостей. Как только будешь готова, приходи в наши покои.

— Да, мама, — покорно произнесла Катриона.

Когда дверь за матерью закрылась, девушка, почти не обращая внимания на действия Эллен, принялась размышлять, чего от нее хотят родители. Она единственная дочь, но в семье были и мальчики — ее старший брат Джейми, которому уже исполнилось восемнадцать, и трое младших братишек. Колину было двенадцать лет, а близнецам Чарли и Хью — по десять. Родители практически все время были заняты друг другом, так что дети росли под присмотром нянек и наставников. Ей самой пришлось планировать собственную жизнь едва ли не с рождения.

Все обстояло по-другому, пока была жива прабабушка. Катриона знала это совершенно точно. Для Джейми наняли нескольких учителей, но никому и в голову не пришло научить читать и писать Катриону, пока она сама не заявила наставникам, что будет учиться вместе с Джейми. Когда же удивленные учителя сообщили родителям, что их дочь куда быстрее усваивает материал, чем мальчик, ей было позволено присутствовать на уроках уже «официально». Естественно, она училась вместе с братом, но лишь до тех пор, пока Джейми не отправили в школу. После этого ей пришлось думать о дальнейшем образовании самой.

Для начала она настояла на том, чтобы для нее наняли преподавателя французского. Вскоре Катриона прекрасно освоила не только этот язык, но еще итальянский, испанский и немецкий, благо ее молодой учитель свободно на них говорил. Ее родители были прекрасно образованы и после двадцати лет брака сохранили и даже приумножили нежность и любовь друг к другу. Да, они не уделяли необходимого внимания своим детям, но это выглядело совершенно невинным и объяснялось одной лишь только беспечностью. Дети всегда были сыты, хорошо одеты и ухожены благодаря заботе слуг, гувернанток и учителей. Молодому хозяину Грейхейвена или его жене просто не приходило в голову, что их дети нуждаются в чем-то еще, кроме элементарных удобств. Мальчики чувствовали себя вполне уютно в атмосфере теплой заботы

прислуги, но подросшая дочь нуждалась в чем-то большем. Эллен Мор-Лесли понимала это и делала все, что от нее зависело, и все равно Катриона выросла своевольной и упрямой.

Внимательно взглядываясь в свое отражение в зеркале, девушка думала, как наконец встретится со своим суженым по прошествии нескольких лет. Гленкирку сейчас двадцать четыре, он окончил университет Абердина, а также побывал в Париже, много ездил по Европе и был даже некоторое время при дворе королевы Бесс в Англии. Катриона знала, что он красив, уверен в себе и учтив. Осталось только надеяться, что ей он придется по душе.

Разгладив темно-зеленый бархат платья, она отправилась к родителям. К ее удивлению, вместе с ними ее ждал и старший брат.

Прежде чем начать разговор, Джеймс Хей откашлялся, затем весьма серьезным тоном произнес:

— Как ты знаешь, ранее было решено, что после того, как тебе исполнится шестнадцать лет, ты выйдешь замуж за Гленкирку. Однако, в связи с преждевременной кончиной третьего графа этим летом и передачей титула молодому Патрику, церемония перенесена на Двенадцатую ночь*.

Пораженная этими словами, Катриона вскинула бровь.

— И кто это решил?

— Мы с графом.

— А я? Мое мнение что, никого не интересует? — В ее голосе звучал гнев.

— Но вы же были обручены семь лет назад, — удивленно проговорил сэр Джеймс. — Это практически решенное дело.

В голосе отца ей послышалось раздражение. Да, она не была нежным милым созданием, каким он хотел бы ее видеть, и постоянно выводила его из себя.

— Вы могли бы посвятить и меня в новые обстоятельства, а потом спросить, хочу ли я выходить замуж на целый год раньше намеченного срока! — воскликнула Катриона. — Так вот: я не желаю выходить замуж не только сейчас, но и вообще, в особенности за Патрика Лесли!

* Ночь с 5 на 6 января; завершает так называемые «двенадцать дней Рождества»: от Рождественского сочельника до Крещенского. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Но почему, моя дорогая? — в недоумении спросила Хизер. — Это прекрасный молодой человек, настоящий светский лев! Неужели ты не хочешь стать графиней?

— Да он просто гроза всех окрестных девиц, милая мама! С тех пор как дядя Патрик упал с лошади и свернул себе шею, а новоиспеченный граф вернулся домой, не проходит и дня, чтобы я не услышала очередной рассказ о его похождениях! По всей округе ходят легенды о его мастерстве в постелях, на сеновалах и под заборами! Не думала, что ты захочешь отдать меня за такого развратника!

Хозяин дома просто остолбенел от яростного взрыва чувств дочери. Джейми начал было смеяться, но тут же замолк под строгим взглядом матери, а сама Хизер сообразила, что, похоже, упустила что-то весьма важное в воспитании Катрионы.

— Оставьте нас одних! — обратилась она к мужу и сыну, а когда мужчины вышли, сказала дочери: — Присядь, дорогая. Ты что-нибудь знаешь о том, что происходит между женщиной и женщиной на супружеском ложе?

— Конечно, — в некотором недоумении произнесла Катриона. — Он вводит эту свою штуку в отверстие у нее между ног, а через несколько месяцев оттуда же выходит ребенок.

Хизер на минуту прикрыла глаза и подумала: «О, мое бедное дитя! В моей громадной и всепоглощающей любви к твоему отцу я совершенно забыла, что ты становишься женщиной, но ничего не знаешь о том наслаждении, которое испытывают любящие существа. Где мне найти слова, чтобы поведать тебе об этом?»

Справившись, наконец, с чувствами, она открыла свои фиалковые глаза, глубоко вздохнула и холодно произнесла:

— Ты отчасти права, но акт любви между женщиной и женщиной не обязательно заканчивается каждый раз рождением ребенка. Имеются способы предотвратить это, не лишая себя восторгов любви. Буду рада научить тебя всему еще до того, как ты выйдешь замуж.

Девушка была явно заинтересована, а мать между тем продолжала:

— Занятия любовью доставляют громадное наслаждение, Катриона.

— В самом деле? И каким же образом, мама?

Легкий оттенок презрения не ускользнул от внимания Хизер. «Великий боже, ну как мне это ей объяснить?»

— Тебя когда-нибудь целовали, дитя мое? Возможно, кто-нибудь из твоих кузенов во время наших приемов пытался украдкой?

— Ну да, кое-кто пытался, но я ему так врезала, что никто больше не осмеливался!

Хизер захотелось завывать в голос от разочарования.

— Но целоваться ведь так приятно, Катриона! Особенно когда тебя при этом еще и ласкают. Это просто восхитительно.

Катриона посмотрела на свою мать как на умалишенную.

— Брр! Да что может быть приятного в том, когда женщина и мужчина трутся друг о друга голыми телами?

От такого неприятия чувственных удовольствий Хизер едва не потеряла ход мыслей и самообладание.

— И тем не менее это так! Уж я-то знаю! Боже, Катриона, мне больно оттого, что ты совершенно не осведомлена в этих вопросах! Ты не имеешь никакого представления, что значит быть женщиной, и я чувствую свою вину. А замуж за своего кузена Гленкирка в Двенадцатую ночь ты все же выйдешь, как и планировалось. Вы прекрасно подходите друг другу — он замечательная партия.

— Я не выйду за него замуж, мама!

Хизер попробовала зайти с другой стороны:

— Тогда чем ты намерена заниматься?

— Есть и другие мужчины. Мое приданое позволяет мне выбирать.

— Только если речь идет о Гленкирке, моя дорогая.

Катриона не смогла сдержать удивления, и Хизер с облегчением подумала, что наконец-то завладела ее вниманием.

— Катриона, твое очень большое приданое предназначено только для Гленкирка. Так устроила моя мама. Если ты намерена выйти за кого-то другого, твое приданое будет весьма скромным.

— А что, бабушка не подумала о другом варианте: Гленкирк же мог умереть или просто отказаться от брака?! — выкрикнула в ярости Катриона.

— Если бы случилось что-то подобное, ты вышла бы за Джеймса. Мама мечтала, чтобы ты стала графиней

Гленкирк. К тому же нет никаких сомнений, что твой нареченный будет рад свадьбе. Пойдем, дитя. Патрик Лесли обязательно полюбит тебя, вот увидишь.

— А как же я? Что, если я не хочу выходить за него?

— Но решать не тебе, моя дорогая. Так что перестань хмуриться и пойдем встречать гостей. Твои кузины и кузены очень хотят пожелать тебе счастья.

О боже! Еще и это! Хорошо, что ее дяди Колин и Эван живут в Эдинбурге, а то пришлось бы возиться с целым выводком их детей. А остальные! С мальчишками-то она еще находит общий язык, но шесть жеманных девиц — это уже слишком!

Фиона Лесли, пышная, с темно-рыжими волосами, серыми, как бушующее море, глазами и красными пухлыми губами, осталась вдовой в девятнадцать лет. Бедный Оуэн Стюарт не смог выдержать испытание супружеского ложа. Следующей девицей в этой компании шла шестнадцатилетняя Джанет Лесли, которая весной должна была выйти замуж за брата Фионы, кузена Чарлза. Джен не могла скрыть своего восторга: ну как же — будущая графиня Сайтен! Глупая корова! Эйлис Хей уже исполнилось четырнадцать лет, и ей предстояло выйти за Джеймса Лесли, следующего брата Гленкирка, но не раньше, чем через пару лет. Бет Лесли было шестнадцать, но, обожая своего дядю Чарлза, она решила вскоре удалиться в монастырь, расположенный во Франции. Таким образом, она могла жить неподалеку от своей семьи, поскольку ее четырнадцатилетняя сестра была обручена с сыном дяди Дональда, Жаком де Валуа-Лесли. Последней в этой компании была маленькая Мэри Лесли, тринадцати лет от роду, которой через три-четыре года суждено стать женой старшего брата Катрионы — Джейми. Катриона очень надеялась, что к тому времени Мэри хоть немного поумнеет и перестанет глупо хихикать при каждом слове, произнесенном Джейми, хотя тот, похоже, не имеет ничего против.

Катриона вместе с матерью вошла в парадный зал и тут же оказалась в плотном окружении родственников. Ее поздравляли, желали здоровья и счастья. Ну как на них сердиться — ведь сегодня день ее рождения.

Внезапно Фиона произнесла своим хрипловатым кошачьим голосом:

— Кэт, дорогая, а вот и твой суженый. Разве она не выросла, Патрик? Посмотри: настоящая женщина.

Катриона гневно глянула на старшую кузину и тут же перехватила пристальный взгляд Патрика, графа Гленкирка. Его большая теплая рука поднесла ее тонкую кисть к губам.

— Кузина, — раздался его глубокий завораживающий голос, — ты всегда была очаровательной, но сегодня буквально затмила всех.

Положив ладонь Катрионы на свою согнутую в локте руку, он повел ее к возвышению на другом конце зала. Оставшаяся в одиночестве Фиона удивленно рассмеялась. Граф тем временем усадил невесту за главный стол и спросил:

— За что ты так сердисься на меня?

— Вовсе нет.

— Тогда хотя бы улыбнись мне, дорогая.

Она намеренно проигнорировала его просьбу, и граф почувствовал нарастающее раздражение. Когда с ужином было покончено и слуги унесли пустые тарелки, начались танцы. Граф разыскал свою тетушку и, уединившись с ней в тишине библиотеки, стал расспрашивать, что беспокоит девушку.

— Во всем виновата я, Патрик, — всхлипнула Хизер. — И очень сожалею. Ведь я, совершенно того не желая, оставила без внимания весьма важную часть образования Катрионы. В результате она лишена каких-либо чувств и холодна как лед.

— Говоря другими словами, моя милая тетушка, вы так были заняты своим мужем, что забыли любить Кэт.

— Но я люблю ее!

— А вы когда-нибудь говорили ей это? Обнимали и баловали ее, когда она была малышкой? Ребенком? Девушкой-подростком? Нет, тетушка. У вас просто не было времени для этого. Вы — с хозяином Грейхейвена — были заняты лишь тем, что проверяли на практике, как усвоили все те восхитительные штучки, которым вас научила ваша матушка.

Хизер покраснела до корней волос.

— Патрик! Что ты можешь знать об этом?

— То, что в свое время мне поведала моя мать, — усмехнулся граф. — В частности, она заверила меня, что моя невеста будет горячей и опытной. Вместо этого, тетушка, я должен отогревать эту ледяную девицу, которую вы предлагаете мне взять в жены.

12 гаете мне взять в жены.

— Она уже заявила мне, что не хочет замуж, — с горечью проговорила Хизер.

— Проклятье! — в негодовании воскликнул Гленкирк. — Может, просветите почему?

— Я не знаю, Патрик, — солгала Хизер. — Когда ей ее отец сообщил, что свадьба переносится со следующего года на Двенадцатую ночь, она пришла в ярость. Сказала, что никто даже не спросил ее мнения, а потом заявила, что это не имеет никакого значения, потому что за тебя она в любом случае не выйдет.

— А вы уже говорили с кем-нибудь о переносе свадьбы на более ранний срок?

— Мы собирались объявить об этом сегодня вечером.

— Тогда вот что, тетюшка. Постарайтесь как-нибудь незаметно привести сюда моего дядю.

«Бедная маленькая Катриона! — подумал Патрик, когда дама отправилась выполнять его просьбу. — С самого раннего детства жила в своем собственном мире, которым никто не интересовался. Потом, совершенно не считаясь с ее мнением, за нее решают, когда должно произойти самое важное событие. Ничего удивительного в том, что она пришла в ярость».

Что касается других обстоятельств, то он задумался о них лишь мельком. Женщины рода Лесли по своей природе обладали взрывным характером, в их жилах текла горячая кровь, так что можно было не сомневаться, что Катриона непременно пробудится к чувственным удовольствиям и расцветет. Легкие победы ему наскучили, а временем он вполне располагал.

Джеймс Хей вошел в библиотеку вместе с женой.

— Приветствую, племянник! Что стряслось? Ради чего мне пришлось бросить гостей?

— Я думаю, дядюшка, лучше пока отложить оглашение даты нашей свадьбы с вашей дочерью. Катриона явно не в духе, и мне не хотелось бы ухудшать ее состояние.

— Девичьи глупости! Чепуха!

— А тетя Хизер была в таком же состоянии перед замужеством?

— Нет... — с некоторой заминкой произнес Хей, и глаза у него увлажнились. — Она не могла дожидаться заветного момента.

— Остается только позавидовать! Почему же вы хотите лишить меня подобного счастья?

— Мы с Хизер были... хорошо знакомы, — несколько смутившись, возразил дядюшка.

— Вот именно! — обрадовался граф. — Меня же не было здесь шесть лет. Катрионе еще не исполнилось и девяти, когда я уехал. Она совершенно меня не знает. Я пока что для нее как чужак, за которого ее против воли заставляют выйти замуж. Что может быть ужаснее перспективы разделить постель с незнакомцем! Поймите же это, дядюшка! Вы купаетесь в супружеском счастье. Дайте мне время завоевать вашу строптивую дочь, чтобы и мы могли насладиться таким же счастьем.

— Ладно! — подвел итог глава Грейхейвена. — Свадьба будет отложена на год. Но если она по-прежнему будет сопротивляться, все равно пойдет к алтарю!

— Согласен, — сказал Патрик. — Но вот еще что, дядюшка... Мы должны заключить соглашение. Даже если мои методы ухаживания покажутся вам странными или, скажем, жесткими, вы не должны вмешиваться. Прошу вас не забывать об этом.

— Да-да, — не стал спорить глава семьи, но Хизер почувствовала, как у нее по коже поползли мурашки.

Она с удивлением поняла, что Патрик уже любит Катриону. Возможно, любил еще ребенком. Сперва он будет ухаживать за ней нежно, но если это не сработает, он станет жестоким, чтобы добиться ее. «Ох, моя бедная невинная дочь. — Хизер вздохнула своим мыслям. — Я должна была научить тебя всему, что знаю сама, прежде чем нетерпеливый любовник сделает тебя своей».

От невеселых мыслей ее отвлек голос племянника:

— Я сам сообщу ей. Она не должна знать, что решение перенести свадьбу было нашим общим.

Когда Патрик вернулся в зал, Катриона танцевала с его братом Адамом: раскрасневшаяся и совершенно счастливая. Ему пришлось приложить массу усилий, чтобы не наброситься на нее, — столь велико было желание. После того как танец закончился, он чинно провел ее мимо семьи в относительную тишину алькова и сообщил:

— Поразмыслив, я решил, что ты права, — с женитьбой следует повременить. Когда я покинул Гленкирк,

ты была совсем маленькой девочкой. Сейчас же я вижу перед собой прелестную девушку, но ты совершенно не знаешь меня, поэтому предлагаю просто общение, чтобы у нас было время узнать друг друга.

Впервые за весь вечер Катриона улыбнулась ему.

— Вот это совсем другое дело! Но что, если мы не придемся по нраву друг другу?

Он вопросительно вскинул бровь.

— Ты что, храпишь по ночам? Или, может, ругаешься как сапожник, пьешь вино и предпочитаешь жевать бетель, как это делают на Востоке?

Она расхохоталась и отрицательно покачала головой.

— Любишь ли ты музыку, поэзию, мелодичное звучание иностранных языков? Любишь ли носиться верхом в туманной тишине весеннего утра или в свете луны осенним вечером? Восхищает ли тебя первый снегопад в начале зимы? Любишь ли ты купаться нагой в укромном месте реки в жаркий летний день?

— Да, — произнесла она едва слышно, и почему-то сердце ее забилось быстрее. — Да, мне нравится все это, милорд.

— Тогда, моя дорогая, у тебя нет шансов: ты непременно полюбишь меня.

Густые ресницы Катрионы цвета темного золота затрепетали над порозовевшими щеками, ниточка пульса на шее забила чаще. «Мой первый успех! Кажется, лед тронулся!» — подумал Патрик и рискнул предложить:

— Скрепим наш договор поцелуем?

Светло-зеленые глаза секунду смотрели на него в упор, потом закрылись, и навстречу ему протянулись сложенные в розовый бутон губы. С трудом сохраняя серьезность, даже не улыбнувшись, он коснулся их своими губами и мягко произнес:

— Благодарю тебя, Катриона. Это был твой первый поцелуй.

— Откуда тебе знать? — восторженно вскрикнула строптивница.

— Невинность не скроешь, любимая. — Он подал ей руку. — Пока достаточно. Позволь проводить тебя к родителям.

Когда они снова появились в зале, Хизер с облегчением отметила, что дочь больше не хмурится, а лицо племянника светится довольством. Он обязательно ее за-

воюет — она была в этом уверена. Оцениваяще окинув Гленкирка женским взглядом, Хизер со вздохом признала: «Ах, моя милая Кэт! Какое чудесное приключение ожидает тебя!»

ГЛАВА 2

Фиона Лесли, лежа в постели, мечтала. Как было бы здорово стать графиней Гленкирк! Ну почему его женой должна была стать эта кисейная барышня Катриона? Какая несправедливость!

Фиона знала, что когда-то обсуждалась возможность выдать ее замуж за Гленкирка. Вмешательство бабушки поставило на этом точку. Было решено, что ее мужем станет болван Оуэн Стюарт. С тех пор она возненавидела старую леди! Бабушке это было прекрасно известно.

Оуэн страдал какой-то серьезной болезнью, и, хотя его — семнадцатилетнего юношу — всегда тянуло к пышному телу жены, мужской силой он не обладал. Для Фионы это не имело особого значения, поскольку с девственностью она рассталась еще в тринадцать лет. Достаточно быстро она нашла с кем удовлетворить свои потребности.

Первым ее избранником стал егеря по имени Финн. Это был огромный грубый мужик, не обладавший какими-либо навыками в искусстве любви, но когда он вбивал свое орудие ей в лоно, казалось, что она того и гляди сойдет с ума от восторга. Затем случилось неизбежное: она забеременела, — а к тому времени, когда осознала сей факт, было уже поздно что-либо предпринимать.

Она поведала о своем состоянии мужу, рассчитывая на то, что этот дохляк смирится и не станет распространяться на эту тему, но на сей раз просчиталась. Корчась от боли на смертном одре, он назвал ее отъявленной шлюхой и пообещал ославить перед всем миром. Это было роковой ошибкой: когда он заснул, жена задушила его подушкой. Поскольку никаких следов не осталось, причиной смерти лекари посчитали приступ астмы, а родственники высказали убитой горем беременной вдове множество слов утешения.

16 Когда пришло время разрешиться от бремени, присутствовала только служанка Фионы, Флора Мор-Лесли.

Родившийся крепкий мальчуган был тайно переправлен крестьянской паре, незадолго до этого потерявшей своего собственного сына. Фиона не желала, чтобы дети обременяли ей жизнь. Умерший ребенок заменил ее сына и в глубокой скорби был погребен в фамильном склепе Стюартов. Но и для Фионы вся эта фальсификация не прошла бесследно. Вызванные на следующий день доктор и акушерка пришли к выводу, что леди Стюарт никогда больше не сможет выносить ребенка. Но этот секрет было обещано сохранить в тайне за приличное вознаграждение. Правду знала только Флора, но ее можно было не опасаться: она растила Фиону с детства.

Этой ночью Фиона ликовала еще и потому, что совершенно случайно узнала чужой секрет. Чтобы избежать назойливого внимания двоюродного брата Адама Лесли, который увивался за ней с тех пор, как им исполнилось по двенадцать лет, она спряталась в библиотеке Грейхейвенов, и стоя за плотными шторами, закрывавшими окна, под которыми стояли кресла и диваны, и подслушала весь разговор между Хизер, Патриком и главой семейства.

Зная все это, она была на вершине блаженства. Девственная Катриона боится близости! Гленкирк не сможет долго выносить это, а тем временем Фиона намеревалась продемонстрировать ему свои созревшие прелести так часто, как это только позволяли приличия, чтобы не показаться нескромной. Также она собиралась приложить все усилия, чтобы Кэт продолжала пребывать в омуте страхов.

— Когда вы так улыбаетесь, миссис Фиона, я знаю, что это не предвещает ничего хорошего. Какую проделку вы задумали на этот раз?

— Никаких проделок, Флора. Я просто ломаю голову, что бы надеть на Рождество к Гленкиркам.

Фиона мечтательно вздохнула.

— Рождество у Гленкирков! Будут все Лесли, в том числе и Сайтена, Хейзы из Грейхейвена, Мор-Лесли из Крэннога. Мы не праздновали Рождество у Гленкирков всей семьей с тех самых пор, как умерла бабушка. Как я рада, что новый граф решил не соблюдать траур! Старому лорду Патрику это не понравилось бы. Остается надеяться, что, когда граф и мисс Катриона поженятся, празднества в замке станут регулярными.

Но Катриона, сама не ведая о том, разрушила планы Фионы. За десять дней до того, как в замок должны были съехаться гости, она появилась там по особому приглашению тети Мег, вдовствующей графини Гленкирк. Мег Стюарт Гленкирк, обо всем поставленная в известность, решила дать возможность своему старшему сыну поухаживать за будущей невестой. Да она и сама некогда появилась в Гленкирке запуганной невестой, но покойная бабушка сердечно приветствовала ее, проявив любовь и понимание. Старушка давно уже покинула этот мир, но Мег намеревалась отплатить ей за участие, оказав помощь ее любимой праправнучке.

Погода стояла чудесная — холодная и солнечная. Патрик одержал свою первую победу, когда подарил Катрионе белоснежную кобылу.

— Она потомок матушкиного Дьявольского Ветра. Легкая, стремительная, послушная и преданная. Как ты ее назовешь?

— Бана. По-гэльски — «прекрасная».

— Да, знаю. Я тоже говорю по-гэльски.

— О, Патрик! — Она порывисто обняла его за шею. — Ты на своем Дабе составишь мне компанию?

Весь день они носились по холмам вокруг Гленкирка, а по вечерам Катриона сидела с тетушкой, двоюродными братьями и сестрами в главном зале фамильного замка. В камине уютно полыхал огонь, а Катриона и молодые Лесли играли в шарады или танцевали. Вдовствующая графиня снисходительно улыбалась им, а граф старательно скрывал разочарование, оттого что ни разу не оставался по вечерам наедине со своей нареченной.

Но счастье переменчиво. Вечером накануне того дня, когда в замке должна была собраться вся их родня, он встретил Катриону в одиночестве. Было уже довольно поздно. Его мать всегда рано отходила ко сну, и, полагая, что все остальные тоже устраиваются на ночь, он отправился в библиотеку, намереваясь кое-что уточнить по вопросам недвижимости. Возвращаясь обратно, он заметил девичью фигуру, сидевшую в одиночестве перед камином.

— Кэт! Я думал, что ты давно уже спишь! — присаживаясь рядом, сказал Гленкирк.

— Мне очень нравится сидеть в тишине и смотреть на огонь, — объяснила Катриона.

— Как тебе здесь?

— Восхитительно! Правда, замок запомнился мне гораздо большим, но, думаю, это потому, что я смотрела на него глазами ребенка. В действительности он небольшой и чудесный.

— Тебе понравилось бы жить здесь?

— Да, — прозвучал еле слышный ответ.

Несколько минут они посидели в полной тишине, и вдруг Катриона попросила:

— Милорд, не могли бы вы меня поцеловать? Но не как тогда, а по-настоящему? Я поговорила с мамой и Эллен. Они сказали, что тот поцелуй просто скреплял нашу договоренность, не более.

Светло-зеленые глаза, казавшиеся колдовскими в отблесках пламени камина, смотрели на него с надеждой. Медленно нагнувшись к ней, он коснулся ее губ своими, нежно, но постепенно усиливая нажим. Неожиданно ее руки обвилась вокруг него, а когда их губы разомкнулись, девушка, задыхаясь, произнесла:

— Ох, милорд, это было гораздо приятнее. Можно еще раз?

Он с готовностью повиновался и через секунду с удивлением почувствовал, как ее нежный язычок проник к нему в рот. Оторвавшись от него, девушка поинтересовалась:

— Вам понравилось так, милорд? Мама сказала, что так гораздо чувствительнее.

Гленкирка наконец осенило: это она пытается на практике осуществить то, о чем ей рассказала Хизер, но сама при этом ничего не чувствует. Рискуя испугать и разгневать, он обнял ее, провел ладонью по спине, прижал к себе. Его рот завладел ее губами. Используя весь свой опыт, он осторожно, но настойчиво заставил их раскрыться и ввел свой язык глубоко ей в рот. Он ласкал ее нежно, но как только крупная дрожь начала сотрясать все ее тело, прекратил. Он чувствовал ее нарастающую панику, она попыталась вырваться, но он крепко держал ее в объятиях, пока она не взмолилась, чтобы отпустил.

— Патрик... — только и смогла выдать Катриона и заплакалась.

Он опять притянул ее к себе и стал успокаивать:

— Ну, будет тебе, дорогая, будет! Все хорошо, тебе нечего бояться.

— Почему ты сделал это? — произнесла она сквозь слезы.

— Потому что, моя драгоценная маленькая нареченная, ты экспериментировала со мной, проверяла то, о чем тебе рассказала твоя чудесная, но ветренная матушка. И ты все это проделала, но сама при этом ничего не почувствовала. Никогда больше так не делай.

— Но я чувствовала...

— Что именно?

— Я не могу объяснить... Боже мой! Я не знаю, как это назвать, но мне просто хотелось, чтобы ты не останавливался, а потом... стало страшно так, что все перевернулось внутри...

Смутившись, она замолчала.

Он встал с дивана, подал ей руку и, глядя на нее сверху вниз, задумчиво проговорил:

— Когда мне было всего тринадцать лет, меня формально обручили с крохой всего четырех лет от роду. Когда религиозная церемония закончилась, нас усадили на почетные места, и слуга принес угощение. Напротив меня сидела солидная дама, а я как раз начал интересоваться женскими формами и просто не мог оторвать глаз от ее пышной груди. Внезапно моя нареченная, перехватив этот взгляд, схватила бокал и выплеснула вино в ложбинку у нее между грудями, и сказала мне что-то резкое. В тот момент я в нее и влюбился. С тех пор ничего не изменилось.

Она подняла на него свои невероятные глаза.

— Я то и дело слышу о твоих похождениях. Как же ты можешь утверждать, что влюблен, если в твоей жизни полно других женщин?

— У мужчины есть определенные потребности, Кэт. И если он не имеет жены, которая могла бы их удовлетворить, то вынужден пользоваться услугами дам... определенного круга.

— И как часто?

— Достаточно. Особенно теперь. Да черт возьми, Кэт! Я постоянно тебя хочу! Обнаженную, в моей постели, с растрепанными волосами, задыхающуюся от страсти!

Катриона почувствовала, как от этих слов по ее телу прошла дрожь, и, взглянув ему в лицо, пролепетала:

— Если обещаешь прекратить встречи со всякими дамами, я готова выйти за тебя замуж в Валентинов день.

20 Если хочешь желать доброго утра и доброй ночи своей

настоящей любви, то придется попроситься с другими женщинами.

— Ты ставишь мне условия, дорогая? — спросил с улыбкой Гленкирк.

— Я готова делить с тобой жизнь, ты получишь девственность и сможешь испытать со мной все радости, которые захочешь, но, повторяю, я буду у тебя одна, — совершенно серьезно заявила Катриона.

— Когда поженимся, я обдумаю это! А сейчас ступай в постель, маленькая шалунья, пока я не потерял контроль над собой и не набросился на тебя прямо здесь.

Послав ему укоризненный взгляд, девушка вышла из зала. Патрик усмехнулся: ну и штучка эта Кэт Хей! Готова выйти за него замуж, но намерена управлять его жизнью. Что ж, теперь он знает кое-что важное: во-первых, его невеста отнюдь не ледышка, какой он ее себе представлял, и, во-вторых, жизнь с ней определенно не будет скучной!

ГЛАВА 3

Во второй половине следующего дня замок Гленкирк наполнился голосами, шумом и гамом. Катрионе, слава богу, как невесте графа, не пришлось делить спальню со своими двоюродными сестрами. Фиона тоже избежала этой участи — ее пощадили в силу возраста, а еще потому, что она вдова.

Узнав, что Катриона уже прожила в замке десять дней, Фиона поспешила найти ее и приступить к воплощению своих задумок. Девушка сидела в главном зале одна и что-то вышивала, когда Фиона подсела к ней.

— Ну что, моя маленькая кузина? Как тебе понравился замок Гленкирк?

— Он великолепен! — ответила Катриона. — Думаю, я с радостью возьму на себя обязанности его хозяйки.

Свои слова она сопроводила насмешливой улыбкой, и Фиона едва не скрипнула зубами.

— Ты очень храбрая девушка, если добровольно идешь прямо волку в пасть.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Боже, дитя мое! Ты же знаешь репутацию Гленкирка.

— Ты про женщин? — Катриона правдоподобно изобразила на лице скуку и даже зевнула. — Господи, Фиона! Всем известно, что Гленкирк просто дьявол по этой части, чему я очень рада. Расскажи лучше что-нибудь новенькое.

— Хорошо, моя дорогая, расскажу. — Гостья понизила голос и подалась всем телом к Катрионе. — Говорят, у Гленкирка громадное мужское достоинство. Поскольку я была за мужем, то кое с чем знакома, и должна поделиться с тобой. Мы, женщины из рода Лесли, маленькие и хрупкие. Большой м... петушок может просто нас разорвать. Слава богу, мой бедный муж, лорд Стюарт, имел достоинство весьма среднее, но все равно, когда ввел мне его в нашу брачную ночь... — Она сделала эффектную паузу, радостно отметив для себя побледневшее лицо Катрионы. — Увы, кузина! Боль была ужасная, и с каждым мгновением становилась все невыносимее. Господь покарал его, призвав к себе, а меня спас.

— Но я из рода Хей, Фиона, так что со мной все может быть иначе.

— А твоя мать? Она же Лесли, кузина. Дочери по телосложению повторяют своих матерей, так что я не завидую тебе.

Испугавшись, Катриона пересказала этот разговор Эллен, но та лишь рассмеялась:

— Ерунда все это! Эта Фиона Стюарт просто пытается тебя запугать. Боль будет, но буквально мгновение, в самом начале, зато потом — море блаженства. Твоя кузина сама жаждет заполучить графа, вот и плетет небылицы. Да ты только посмотри на своих родителей! Разве так ведет себя женщина, которая испытывает постоянную боль?

Раздосадованная на себя из-за того, что едва не поверила рассказам Фионы, Катриона стала внимательнее приглядываться к ней и решила, что Эллен совершенно права. Кузина использовала любую возможность, чтобы попасть на глаза Патрику, носила платья с декольте на грани приличия, чтобы продемонстрировать свои внушительные прелести. «Вот же сука! — подумала Кэт. — Рыжая сука! Надо было побольше о ней разузнать».

Катриона отыскала брата и спросила:

22 — Джейми, тебе что-нибудь известно про кузину Фиону?

Брат сначала удивился, потом с усмешкой сказал:

— Говорят, что она очень добра: никому не может отказать, — но я еще не бывал в ее постели. Еще ходят слухи, что ребенок, которого она родила Стюарту, вовсе не от него. Тот был настолько слаб, что вряд ли мог исполнять супружеские обязанности. — Джейми помолчал и внимательно посмотрел на сестру. — Похоже, твое отношение к Гленкирку изменилось. Он тебе нравится?

— Да.

— Тогда опасайся кухни Фионы, поскольку она явно проявляет повышенное внимание к нему, хотя я сомневаюсь, что граф понимает это.

Джейми ошибался. Патрик все прекрасно видел, и, не будь Катрионы в замке, пожалуй, позабавился бы со своей рыжей кухней, изнывающей от похоти без мужской ласки. До него тоже доходили слухи, и было бы забавно их проверить.

Одним из вечеров, вскоре после Рождества, Фиона попыталась ускорить события. Когда все гости и хозяйка давно уже видели сны, граф решил обсудить со своим братом Адамом возможность его брака с наследницей Форбсов. Мужчины сидели у камина, и Адам пытался убедить Патрика, что их младший брат, семнадцатилетний Майкл, гораздо больше подойдет тринадцатилетней Изабелле Форбс.

— Я готов жениться, но отнюдь не на этой девчонке. Вот Майклу она в самый раз: года через три-четыре подрастет, тогда и устраивай союз между ними, тем более что он и так с ума сходит от ее кукольного личика.

Патрик рассмеялся:

— Ладно, я подумаю! Похоже, есть девушка, для которой ты себя бережешь?

Адам только улыбнулся.

Оба брата были высокие, как и их отец. Патрик унаследовал темные волосы матери и зеленовато-золотые глаза Лесли, а Адам — красно-рыжие волосы Лесли и янтарные глаза Стюартов. Посидев еще немного с кружками глинтвейна, они решили расходиться по своим комнатам. У подножия лестницы граф вспомнил:

— У меня припасено немного отличного виски из винокурни Макбинов. Давай зайдем ко мне, пропустим по глоточку на сон грядущий.

Распахнув дверь, он услышал удивленный возглас брата и только тогда поднял голову.

На его кровати, в неверном отблеске свечей возлежала Фиона Стюарт.

— Клянусь, брат, это самое чудесное зрелище, которое мне приходилось когда-нибудь видеть! — воскликнул Адам.

— Какого черта ты здесь делаешь? — зарычал граф, мгновенно протрезвев.

— Ты не захотел прийти ко мне, Патрик, — промурлыкала нагая красотка, — поэтому я пришла сама.

Ноздри его раздулись, уловив теплый аромат благовоний.

— Я плачу шлюхам за услуги. Сколько запросишь ты?

— О, дорогой! — хрипло рассмеялась Фиона, вставая в постели на колени. — Какие деньги! Я схожу по тебе с ума! Женись на этой глупой девственнице, если должен, но только возьми меня! Будем любовниками! Обещаю: не пожалеешь!

— Боже мой! — облизнул пересохшие губы Адам. — Как бы я хотел получить такой чудесный подарок. Везет же тебе, братишка!

— Хочешь ее? — Патрик повернулся к младшему брату.

— Не стану врать — да, и прямо сейчас.

— Что ж, забирай. Я переночую в твоей комнате.

— Нет! — запротестовала Фиона. — Я хочу тебя, а не этого самодовольного хлыща!

— Моя дорогая кузина, — холодно произнес граф, — судя по слухам, ты обладаешь изрядным опытом, поэтому должна знать: что заниматься любовью с тем, кого не хочешь — сплошная скука. Я тебя не хочу и более того, ты мне совсем несимпатична.

Повернувшись к ней спиной, граф направился к выходу. Адам закрыл за ним дверь и с подчеркнутой медлительностью лениво произнес:

— Что ж, Фиона, малышка, я очень хочу, чтобы ты не меняла положения еще некоторое время.

— Пошел к черту! — яростно бросила она в ответ и, вскочив с кровати, направилась было к двери, но Адам, не сходя с места, потянул ее обратно.

— Ну уж нет, крошка! — Он схватил ее за грудь с вмиг напрягшимся соском. — Сегодня ночью ты раскинешь

24 свои ножки только для меня.

С этими словами он швырнул ее в постель, и Фиону внезапно охватил страх.

С тех пор как ею, тринадцатилетней, на куче соломы овладел старший конюх ее отца, она всегда верховодила в подобных ситуациях. Сейчас же бессильно лежала и наблюдала, как двоюродный брат, повернувшись к ней спиной, медленно раздевается. Высокий, стройный, широкоплечий, с узкими бедрами и мускулистыми ягодицами. Адам Лесли обернулся, и Фиона чуть не ахнула от изумления. Однажды ей довелось наблюдать за случкой лучшего отцовского жеребца с кобылой. Она тогда подумала: вот бы ей найти мужчину с таким же достоинством! Теперь он стоял перед ней и ухмылялся:

— Ну что, милая? Пять лет ты бегала именно от того, чего хотела.

— Боже мой! — прошептала Фиона. — Да ты разорвешь меня этой штукой!

Только влажная ненасытная пещерка у нее между ног жила своей жизнью и уже трепетала от предчувствия. Задыхаясь от похоти, с хриплым криком Фиона протянула руки к мужчине. Его тело через мгновение скрыло под собой ее фигуру, и он почувствовал, как жадная теплая рука направила его. Он вошел в нее мощным толчком и, убедившись, что она легко приняла его, начал медленно двигаться. Ее тело извивалось под ним, ногти впивались в кожу, из горла вырывались то стоны, то хрипы, а через несколько минут все звуки сменились воплем чистого восторга.

Адам скатился с нее, перевел дыхание, затем, опершись на локоть, с усмешкой заметил:

— Для шлюхи ты чертовски неумелая. Но сама виновата, что ограничивала себя никчемными любителями.

Склонив голову, он принялся сосать и покусывать затвердевший сосок, потом второй, одновременно играя пальцами со складками у нее между ног.

Подняв голову, Адам заявил:

— Ну а теперь, милая, будем учиться тому, что умеют самые тонченные шлюхи Парижа, Лондона и Абердина.

Упершись ему в грудь рукой, Фиона запротестовала:

— Я не обещала тебе, что стану твоей любовницей, самолюбленный мальчишка!

— А я и не спрашивал тебя, дорогая!

Она ошарашенно уставилась на него.

— Я уверен, что теперь, — произнес Адам с усмешкой, — церковь непременно выдаст кузенам Лесли разрешение на брак*.

Фиону ошеломили его слова:

— Я же старше тебя!

— Всего чуть больше чем на месяц. Уже на следующей неделе мне исполнится двадцать.

Он снова навалился на нее, и она почувствовала, как в нее упирается твердая плоть.

— Но я не хочу тебя! — выкрикнула Фиона истерично. — Мне нужен Гленкирк!

— Его тебе не заполучить, милая! Он попросту не хочет тебя.

С этими словами он шире развел ей ноги.

— Но ты не богат! — привела главный довод Фиона. — И жить в другом доме я не хочу!

— Я получаю вполне приличный доход с инвестиций, которые сделала для меня, да и для тебя тоже, бабушка. Я богаче некоторых графов. У меня также есть доли в семейном судостроении и овцеводстве. У тебя есть дом в Эдинбурге, который принадлежал твоей бабке, Фионе Абернети. Мы проведем несколько лет в путешествиях, а когда король Джеймс подрастет, вернемся, будем жить в столице и бывать при дворе.

Он снова глубоко вошел в нее, но на этот раз двигаться не стал.

Фиона не могла понять зачем, но все же призналась:

— Я никогда не смогу иметь детей.

— Я знаю, — ответил Адам совершенно спокойно. — Повитуха, которую ты тогда пригласила, принимала по меньшей мере трех моих бастардов. Эта информация стоила мне два золотых. Кроме того, дорогая моя, я знаю, ребенок был не от Стюарта.

* Оглашение бракосочетания в церкви являлось одним из способов предотвращения незаконных союзов. Однако иногда молодым хотелось избежать публичной огласки, особенно если вдова слишком поспешно рвалась под венец, или между молодоженами была большая разница в возрасте, или же имела место беременность. В таком случае подавали заявку на брачную лицензию. Это была более быстрая, хотя и дорогостоящая процедура. Чтобы получить лицензию, жениху или невесте следовало прожить в приходе не менее месяца.

Она разразилась проклятиями, а он рассмеялся:

— Пусть Патрик, Джейми и Майкл продолжают наш род. Мне хватит и тебя. Но учти: если застукаю с другим, избыю до полусмерти и отлучу от этого. — Он резко вошел в нее. — На целый месяц.

При этих словах янтарные глаза Фионы сузились и потемнели. При мысли, что может потерять то, чего так долго добивалась, все ее тело пронзила дрожь. Обхватив его ногами, она прошептала сдавленным голосом:

— Я буду хорошей, Адам! Клянусь!

На следующий день, к всеобщему удивлению, Адам Лесли объявил перед всей семьей, что женится на своей кузине, леди Стюарт. Поскольку ни его мать, ни родители Фионы даже не догадывались о его намерениях, разразилось настоящее светопреставление.

Патрик, отважившись защитить брата, решительно солгал:

— Они спросили моего позволения. Но, дядя, я должен извиниться перед вами за то, что не поставил вас в известность. Моя собственная помолвка совсем затмила мне голову.

Повернувшись к младшему брату, он укоризненно произнес:

— Тебе не следовало оглашать свои намерения, пока я не переговорил с дядей.

Адам изобразил на лице приличествующее случаю раскаяние.

— Пойдемте, дядюшка, — продолжил граф Гленкирк. — Нам надо поговорить наедине. Даже вдова должна получить приданое.

Не успев хоть что-нибудь возразить, лорд Сайтен обнаружил, что оказался в библиотеке замка, где Адам сообщил ему о бесплодии Фионы, добавив, что ему очень повезло — он готов взять ее в жены, несмотря на этот прискорбный факт.

— Тогда зачем же она тебе? — выдавил ошеломленный лорд Сайтен.

— Все просто, дядюшка: я люблю эту шалунью.

Лорд Сайтен больше ни о чем не стал спрашивать, поскольку прекрасно знал, что его дочь никогда не пользовалась особым успехом у мужчин; про ее репутацию тоже знал. Будучи счастлив наконец-то избавиться от нее,

он назвал весьма щедрую сумму приданого, которая и была с радостью принята другой стороной. Бракосочетание было назначено на весну.

Когда дядюшка покинул библиотеку, Гленкирк повернулся к брату:

— Но почему? Ты ведь мог жениться на прекрасной Изабелле Форбс и обзавестись законным наследником.

— Потому что, Патрик, я и в самом деле люблю Фиону. Еще с детства.

— Но она же шлюха! Совершенно безотказная.

— Теперь все будет по-другому. Не смотри на меня так скептически. Ты помнишь Нелли Бейрд?

— Ну да, — со вздохом произнес Гленкирк.

Была такая, его содержанка, которая всецело принадлежала ему до тех пор, пока не переспала с его братом.

Адам ухмыльнулся и, опять посерьезнев, продолжал:

— Фиона больше не будет бросаться на мужчин. Все это происходило потому, что она ненасытна в любви и вплоть до сегодняшней ночи не нашлось никого, кто мог бы удовлетворить ее страсть. Мне это удалось, и теперь она успокоится.

— Но ты мог бы иметь законного сына с девицей Форбс!

— Предоставляю Джеймсу и Майклу честь поддерживать наш род. Я же предпочитаю проводить все время с моей рыжеволосой чертовкой!

— Я же не говорю тебе «нет», брат, — рассмеялся граф. — Мы с молодой мисс Катрионой Хей постараемся за двоих.

— Послушай моего совета: укроти эту девушку, или ты не оберешься с ней проблем.

— И как, по-твоему, это сделать?

В ответ Адам пожал плечами.

— Это уже только твоя проблема, братец. У меня есть собственная, и имя ей Фиона.

В этот момент в библиотеку ворвалась Маргарет Лесли и яростно набросилась на старшего сына.

— Как ты мог! Позволить брату жениться на этой... блуднице? Сайтен просто счастлив опять избавиться от этой суки. Пусть Фиона и моя племянница, но я не позволю никому из моих сыновей связываться с этой волчицей!

Патрик встал и, холодно взглянув сверху вниз на мать, жестко произнес:

— Я хотел бы напомнить вам, мадам, что глава семьи я, а не вы, а значит, и решения здесь принимаю я. Адам любит Фиону, и она согласна выйти за него. Сайтен одобрил этот брак и готов дать за ней щедрое приданое. Они поженятся весной. Вам же следует усвоить: вы будете относиться к ней уважительно и доброжелательно, так же как к Катрионе, Эйлис Хей и в дальнейшем — к Изабелле Форбс.

Маргарет Лесли повернулась к младшему сыну, и тот заверил мать, взяв ее ладони в свои руки:

— Я люблю ее, мама, и хочу прожить с ней такие же счастливые годы, как вы с отцом.

Мег Лесли разрыдалась, и оба сына обняли ее.

— Вы всегда были упрямыми, как все мальчишки.

— Мадам, мы просто хотим быть счастливыми. Вы с отцом всегда были для нас примером, — сказал Адам.

Она высморкалась, вытерла слезы и улыбнулась:

— Ну что ж, господин граф и мой неразумный младший сын. Я приму в нашу семью Фиону, хотя по-прежнему считаю, что это неправильное решение: есть в ней что-то порочное. Мне она не нравится.

ГЛАВА 4

Граф Гленкирк ухаживал за своей будущей невестой с элегантностью и грацией французского придворного. Когда Эллен каждое утро приносила Катрионе завтрак, на подносе всегда лежал какой-нибудь подарок от Патрика. Он мог быть как очень простым: например, сосновой веткой с позолоченной шишкой, перевязанной красной бархатной лентой, — так и весьма дорогим — вроде резной шкатулкой из слоновой кости, в которой покоилась дюжина цветочных бутонов из бриллиантов. Катриона и Патрик все лучше узнавали друг друга во время коротких верховых поездок по покрытым декабрьским снегом холмам и длинных пеших прогулок по спящим под снегом садам.

Патрик Лесли был хорошо образован, и его юная суженая, которая с такой настойчивостью боролась за возможность учиться, с удовольствием внимала его словам.

Графа порой даже забавляло такое несоответствие: **29**

столь серьезный острый ум в совершенно юном цветущем теле. В то же время его очень волновала ее наивность и полная неосведомленность в обычных вещах. Выросшая в закрытом мирке Грейхейвена, она почти ничего не знала о жизни.

Их бракосочетание планировалось в День святого Валентина, а после пасхальных праздников собирались без особых церемоний связать себя узами брака Адам и Фиона. Вся семья уже знала, что церемония всего лишь формальность: они уже давно жили вместе. Фиона, всегда стремившаяся к стройности, теперь все больше округлялась и становилась похожей на кошку, которая ест одни сливки.

— Да она скоро замурыкает, — хихикнула как-то Эйлис Хей. — Я только надеюсь на то, что мой Джейми будет так же хорош, как говорят девушки про кузенов Патрика и Адама.

— Так же хорош в чем? — не поняла Катриона.

Большие голубые глаза Эйлис раскрылись еще шире, и она опять хихикнула.

— О, Кэт! Умеешь же ты пошутить!

— Я и в самом деле не представляю, о чем ты говоришь!

— Да я о постели, гусыня ты этакая! — раздраженно воскликнула Эйлис. — Ходят слухи, что Гленкирки доводят девушек до безумия от наслаждения. Дождаться не могу июня, когда наконец смогу это проверить.

— Боже! Эйлис, да ты развратница не лучше Фионы!

Глаза Эйлис тут же наполнились слезами, и она так тряхнула в негодовании головой, что светлые волосы взметнулись вверх.

— Я, как и ты, Катриона Хей, девственница, но на этом наше сходство заканчивается! Я мечтаю о ночах в супружеской постели и готова для Джейми на все. Ты же холодна как ледышка. Смотри: если не изменишь свое отношение к плотским удовольствиям, граф будет искать утешения на стороне. И кто посмеет упрекнуть его за это?

Катриона отшатнулась от кухни. С тех пор как вся семья собралась на Рождество, Гленкирк вел себя в высшей степени корректно. Ни разу больше не повторился тот вечер у камина, когда граф ясно выказал свои чувства к ней, которых она раньше не замечала и до сих пор не была уверена, что

сможет с ними справиться, но испытать их еще раз

30 очень хотела.

Тем же вечером, одевшись только в мягкую ночную сорочку из льна, она пробралась из своих апартаментов и спряталась в алькове рядом с комнатами графа. Там было холодно, к тому же Гленкирк вернулся лишь поздно вечером. Катриона выскользнула из своего убежища и последовала за ним, он обернулся.

— О, Катриона, милая. Что случилось?

Заметив, что она дрожит, Патрик быстро накинул свою подбитую мехом домашнюю куртку ей на плечи.

— Что могло заставить тебя прийти сюда в столь поздний час?

От страха и стыда она буквально окаменела, поэтому ему пришлось подхватить ее на руки и усадить в кресло у огня.

— Итак, что все-таки стряслось?

Едва слышно Катриона пролепетала:

— Я хочу... мне надо, чтобы мы занялись любовью.

— Что за странная просьба?

— Пожалуйста, умоляю! Я правда хочу этого! О, милорд, мне ведь совершенно ничего не известно! Моя мать старалась исправить ситуацию, но, по ее рассказам, любовь очень высокодуховное чувство, тогда как же объяснить намеки Эйлис по поводу репутации Гленкирков? Фиона, например, ничуть не стеснясь, спит с Адамом и выглядит вполне довольной, даже задирает перед остальными нос. Все это далеко не духовно. Я же не представляю, чего ожидать. Пожалуйста, покажи мне, научи, хотя бы немного!

— Ну что же... — нарочито серьезно протянул Гленкирк. — Конечно, можно попробовать, но если вдруг испугаешься или передумаешь, скажи, чтобы я остановился.

— Хорошо, Патрик!

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в камине. Одной рукой он обнял девушку, а другой медленно, чтобы не испугать, приспустил ее ночную сорочку, обнажив чудесную упругую грудь цвета слоновой кости, увенчанную темно-розовым соском. Несколько мгновений он с восхищением смотрел на нее, затем накрыл ладонью и легонько сжал, тут же почувствовав, как дрожь прошла по всему ее телу. А большой палец уже начал свой танец вокруг розового соска, заставил его напрячься и приподняться над восхитительным полушарием.

Он услышал, как Катриона тихонько ахнула, и по его губам скользнула довольная улыбка. Он склонился поцеловать ее и почувствовал, как его домашний халат соскользнул на пол, оттого что она обхватила обеими руками его шею. Осторожно сняв сорочку с прекрасного тела, он принялся ласкать бархатистую кожу. От его прикосновений девушка дрожала всем телом, всхлипывала, бормотала что-то, и что есть сил, прижималась к нему. Внезапно он прекратил свои ласки, но она запротестовала:

— Пожалуйста, милорд! Еще! Я совсем не боюсь.

Но слишком велико было уже его собственное вождение, и Патрик не мог поручиться, что сумеет остановиться, не овладеть ею здесь и сейчас.

— Мы должны, Кэт! Если я не отправлю тебя сейчас в твою комнату, то не смогу удержаться и совершу непоправимое.

— Прошу вас, милорд! Именно этого я и хочу, прямо сейчас.

Будь на ее месте кто-нибудь другой, Патрика не пришлось бы долго уговаривать, но это Кэт, его девственная суженая, которая только-только начала пробуждаться для любовных наслаждений.

— Нет, милая. В свете утра все будет восприниматься иначе. И если я позволю себе сейчас воспользоваться твоей слабостью, ты меня возненавидишь. Всему свое время и место.

Со вздохом он помог Кэт надеть сорочку, подхватил девушку на руки, и отнес обратно в ее комнату, осторожно уложив в постель и прикрыв одеялом.

— Спокойной ночи, любовь моя!

После того как Патрик закрыл за собой дверь, Катриона Хей долго лежала без сна и прислушивалась к тишине ночи. В камине негромко потрескивали дрова. Где-то вдалеке ухала сова, ей подвывали волки. Теперь девушка начинала понимать, что имела в виду мать, но точно так же понимала Эйлис и проникалась сочувствием к кухне Фионе. Вспоминая события полуторачасовой давности, она почувствовала, как напряглись груди, а щеки охватило жаром. Остаток ночи Катриона пребывала в беспокойном полусне-полубоддрствовании.

С Гленкирком они встретились утром, перед традиционной прогулкой верхом, и граф приветствовал ее в своей обычной манере. Кэт последовала его примеру, и все

шло как обычно, пока они не оказались на безопасном удалении от замка. Тогда, медленно повернувшись к нему, она произнесла:

— Я ни о чем не жалею — имейте это в виду.

Он широко улыбнулся.

— Так и сожалеть не о чем, Кэт. Мы всего лишь целовались и ласкали друг друга... обычное дело для влюбленных.

— Я снова приду к тебе, — твердо заявила Кэт.

Патрик усмехнулся.

— Лучше оставайся в своей кровати, как хорошая девочка, или я не отвечаю за последствия.

Повернувшись к нему, она надула губки.

— Я не хочу оставаться в одиночестве.

Он всмотрелся в ее лицо и понял, к своему величайшему удивлению, что его будущая жена вовсе не кошечка, а истинная тигрица, и, уже серьезно, предупредил:

— Не советую упорствовать, иначе придется поучить тебя хлыстом, так что не сможешь сесть на свою чудесную попку. И я не шучу.

Поздно вечером она заявила в его комнату и, протянув ему хлыст из кожи газели, сбросила ночную сорочку. Он швырнул хлыст в огонь камина, притянул ее, нагую, к себе и принялся целовать. Рука его скользнула к пушистому холмику. Она всхлипнула, но не остановила его...

Празднества Двенадцатой ночи закончились, братья и сестры разъехались по своим домам. Граф настоял, чтобы Катриона вернулась в Грейхейвен на несколько недель, чтобы потом снова приехать в Гленкирк, уже на собственное бракосочетание. Катриона не хотела уезжать, но поскольку каждую ночь она упорно приходила к Патрику в комнату, он чувствовал, что, если не получит передышки от этой пытки, то сделает нечто такое, о чем им потом обоим придется жалеть.

За пару недель до бракосочетания она вернулась в Гленкирк с целым караваном приданого: одежда, драгоценности, ткани, домашняя утварь, мебель. К смятению Патрика, она поселилась в апартаментах графа и графини, к которым примыкала и спальня Патрика. На дверях между комнатами никогда не было замков, и, если бы он велел поставить их сейчас, это вызвало бы массу разговоров. В первый

вечер после возвращения невесты он намеренно допоздна засиделся с Адамом в надежде, что к тому времени, когда вернется, она уснет.

Наконец, пожелав брату спокойной ночи, Патрик направился к себе. Дверь между двумя спальнями была открыта. Он прислушался, но из другой спальни не доносилось ни звука. Быстро раздевшись, он собирался забраться под одеяло, когда услышал нежный голос:

— Патрик, любовь моя, приходи ко мне, постель уже согрета.

Повернувшись, он обнаружил ее стоящей в дверном проеме между двумя комнатами, совершенно обнаженную, как и он сам. Он не мог оторвать взгляда от ее чудесных полных груди и длинных стройных ног. Волосы цвета темного меда падали густой тяжелой волной до тонкой талии. Блеск глаз не скрывал даже полумрак.

— Если я разделю с тобой сегодня постель, то хода назад уже не будет. Я больше не стану просто ласкать тебя, а возьму твою девственность. Не пожалей потом!

— Пойдем, Патрик.

Кэт сделала несколько шагов к своей спальне, и он последовал за ней.

— Ты уверена, милая?

— Не могу ждать больше ни мгновения. Пожалуйста, не заставляй меня упрашивать!

Она юркнула в постель и протянула к нему руки. Патрик лег рядом, притянул ее трепещущее тело к себе и принялся целовать. Почувствовав, как всю ее охватила дрожь, он приподнялся на локте и попытался взглянуть в глаза.

— Ты уверена?

— Да, милорд.

Его губы принялись изучать ее тело, а когда сомкнулись на маленьком твердом соске, от восхитительных ощущений — наслаждения и страха — она заметалась. Его рука исследовала влажное тайное местечко у нее между ног — поглаживая, лаская, подразнивая. Осторожно он ввел в нее палец, и она изогнулась дугой, принимая его, непроизвольно напрягаясь. Он был очень осторожен, не желая причинить ей даже малейшей боли.

Однако он не торопился. Впереди у них целая ночь, 34 и Патрик хотел, чтобы Кэт вознеслась к вершинам

наслаждения. Она была у него далеко не первой девственницей, и он по своему опыту знал, что возбужденные девушки испытывали меньшую боль при проникновении.

Он взял ее ладонь и положил на свой напряженный орган. Она не только не отдернула руку, а, напротив, хоть и неловко, но нежно погладила его, вдруг нагнулась и... поцеловала бархатистую головку.

Крупная дрожь охватила все его тело. Повернув ее так, чтобы обеспечить себе доступ к каждой выпуклости и впадинке, он стал ее целовать. Их языки горели пламенем страсти, изучая и сжигая друг друга. Она извивалась под ним, и Патрик был счастлив, что сумел заставить ее задыхаться от наслаждения. Склонив голову к ее тайному местечку, он коснулся губами крошечного бугорка, затем проник языком в призывную маленькую расщелину. Катриона испуганно вскрикнула.

Лаская губами и языком нежные складки, он развел ей бедра. Дождавшись, когда она содрогнется, достигнув пика, он приподнялся на руках и осторожно вошел в нее. Ему пришлось призвать на помощь все свое самообладание, когда она резко подалась ему навстречу. Замерев на мгновение, он посмотрел на нее: вся покрытая легкой испариной, она казалась... испуганной.

Лаская дрожащее тело, он попытался успокоить ее, и Кэт едва слышно пролепетала:

— Мне больно, Патрик! Ужасно больно...

— Потерпи еще минуту, дорогая! Мгновение, а затем будет лучше.

И не давая ей возможности протестовать, он, напрягшись всем телом, вошел в нее до упора, прорвав преграду. Глаза ее расширились, и она вскрикнула от боли, но он заглушил ее крик поцелуями. Через несколько мгновений боль начала стихать, а когда почти исчезла, он стал медленно, нежно двигаться внутри ее. Кэт тут же подхватила его темп и стала двигаться вместе с ним. Волны наслаждения постепенно накатывали на нее, а когда стали особенно интенсивными, одна такая волна закружила ее и накрыла с головой. Она услышала протяжный крик и не сразу узнала собственный голос. Сознание затуманилось, а когда Кэт пришла в себя, то обнаружила, что заливается слезами в объятиях Патрика.

Его терзали угрызения совести и ненависть к себе. Покрывая поцелуями ее мокрые от слез щеки, он молил простить его за грубость. Кэт оборвала его покаянную речь смехом сквозь слезы.

— Какой же ты глупый! За что же мне тебя прощать? За то, что наконец-то сделал то, о чем я столько просила?

Она обхватила ладонями его лицо.

— Я люблю тебя, милый! Слышишь? Просто схожу по тебе с ума, милорд! Я бы не перенесла, если бы ты когда-нибудь отверг меня за своеволие.

Патрик удивленно посмотрел на нее и внезапно расхохотался.

— Ты и вправду слишком своевольная, но я люблю тебя всем сердцем и поэтому прощаю. Только на будущее запомни: в этом доме я буду хозяином!

— До тех пор пока я буду его единственной хозяйкой, милорд! — не осталась в долгу Кэт, и он снова рассмеялся.

— Какая же вы дерзкая шалунья, мадам!

Патрик легонько толкнул ее в грудь подушек и предложил:

— А теперь спать, если не хочешь, чтобы утром весь замок знал, чем мы тут занимались.

Она вопросительно вскинула бровь, и он не смог удержаться от смеха.

— Нет, сегодня больше ничего не будет, моя ненасытная. Если не хочешь сегодняшним утром переваливаться как утка, одного раза вполне достаточно. Но у нас еще будут такие ночи, я буду любить тебя не останавливаясь до утра. Да и разве может человек с огнем в душе насытиться тобой, любовь моя?

Утром, убираясь в спальне, Эллен обнаружила пятна крови на постельном белье Катрионы, но никому ничего не сказала: кому какое дело, если жених и невеста провели брачную ночь до того, как отпраздновали бракосочетание. Ее беспокоило лишь одно: что, если ее юная хозяйка выходит замуж за человека, которого не любит? И вот теперь она могла больше не переживать — Катриона никогда не отдалась бы до свадьбы Гленкирку, если бы не любила.

К сожалению, об этом узнала и Фиона. Конечно, никто не поделился с ней этой информацией, но своим инстинктом бродячей кошки она сама все поняла. За три дня до свадьбы, увидев Катриону, шагавшую по коридору, она сказала,

36 изображая деликатность:

— Ну, наконец-то ты уступила ему, кузина. Здорово, что все-таки отважилась! Да и чего уж, если скоро свадьба, верно?

Катриона покраснела оттого, что ее секрет раскрыт, но не пожелала, чтобы последнее слово осталось за Фионой, и ехидно поинтересовалась:

— Ревнуешь, кузина?

Фиона только рассмеялась.

— Послушай, моя маленькая Кэт. Я сплю с мужчинами с тринадцати лет, и за все это время не было такого, кто смог бы передо мной устоять, если бы я его захотела. Твой драгоценный Гленкирк не исключение.

— Вранье! — бросила ей в лицо Катриона.

— О нет, — ядовито улыбнулась Фиона. — Я попробовала их обоих, но предпочла Адама. Но чтобы ты не сомневалась... — И Фиона принялась в деталях описывать спальню Патрика.

Не говоря ни слова, Кэт пошла прочь, а уединившись в своих покоях, достала теплые замшевые штаны для верховой езды, шелковую рубашку, сапоги на меху и плотную меховую куртку.

— Куда вы собрались? — воскликнула ничего не понимающая служанка, когда Катриона отправила ее в конюшню с наказом оседлать Бану.

— Понятия не имею! — сказала Кэт, взлетая в седло. — Но когда почтенный граф Гленкирк вернется из поместья Форбсов, скажи ему, что я скорее выйду за самого дьявола, чем за него!

Развернув и пришпорив Бану, она поскакала по опущенному подъемному мосту в сумерки зимнего вечера.

ГЛАВА 5

Эллен, подхватив обеими руками юбки, спотыкаясь, бросилась обратно в замок и, разыскав владельца Грейхейвена, задыхаясь от бега и чувств, выпалила:

— Она уехала, лорд Хей! Катриона уехала!

Грейхейвен не сразу осознал происшедшее, зато жена его среагировала мгновенно:

— Что стряслось?

— Я сама ничего толком не знаю, миледи. Она выглядела такой счастливой, когда вернулась в Гленкирк, и все мысли у нее были только о свадьбе.

— Интересно, — задумчиво протянула Хизер. — Может, все это было только притворство?

— Нет-нет, миледи! Она влюблена в графа, это ясно как день. Они ведь...

Эллен зажала себе руками рот, но Хизер все поняла.

— Как давно?

— О, миледи!

— Эллен!

— С первой же ночи, когда нас не было. На следующее утро я обнаружила пятна крови, но началось все еще в рождественские дни. Только никакого насилия не было — в этом я совершенно уверена, миледи!

— Ты хочешь сказать, что они любовники? — возмутился Джеймс Хей, поняв наконец о чем речь.

— Ох, Грейхейвен, — бросила ему жена, — помолчи, а? Все это совершенно неважно, если свадьба через три дня. Эллен! Что делала Кэт сегодня после обеда? И куда могла отправиться?

— После обеда она, как всегда, немного поспала, затем взяла вышивание и отправилась в большой зал. Графа не было в замке весь день, так что поссориться они не могли.

Пришлось опросить всех слуг. Выяснилось, что те, кто видел Катриону в послеобеденное время, ничего особенного не заметили: напротив, девушка выглядела вполне здоровой и довольной жизнью.

— Что же в таком случае могло ее напугать? — задумчиво произнесла Хизер.

— Она вовсе не выглядела напуганной, миледи, — возразила Эллен. — Скорее кипела от ярости.

В это время со двора послышалось цоканье копыт и лай собак — это Гленкирки вернулись из поместья Форбсов, куда ездили для заключения письменного соглашения о помолвке Изабеллы Форбс. Весело переговариваясь, они поднялись в главный зал замка, но при виде сцены, представшей их взорам, остановились и замолчали.

— Что случилось? — прервал молчание граф.

38 — Это Кэт! — выпалила Хизер.

Патрик побледнел, и Хизер поспешила успокоить его:

— Нет-нет, с ней все в порядке.

— Тогда в чем же дело?

— Она умчалась из замка в страшном гневе. Почему — бог весть...

— Когда?

— Около часа назад. Ни с того ни с сего.

— Кто-то говорил с ней? Как вы узнали, что она покинула замок?

После ответа Хизер граф повернулся к Эллен.

— Она просто ворвалась в спальню, милорд, и потребовала, чтобы я отправилась в конюшню и передала ее распоряжение оседлать Бану. Я пыталась ее остановить, но она ни в какую! Никогда еще она не разговаривала со мной в таком тоне. Она была в своем старом костюме для верховой езды. Еще она сказала, милорд, сказала... Ну, в общем, что скорее выйдет замуж за самого дьявола, чем за вас! Затем пришпорила лошадь и ускакала. Я сразу же побежала к леди Хей и все ей рассказала.

— Должно быть, кто-то изрядно расстроил ее, — процедил сквозь зубы Патрик.

— Расстроил кого? — спросила Фиона, появляясь в зале. — И вообще, что здесь происходит?

Патрик обернулся к ней:

— Ты видела Кэт сегодня после обеда?

— Да. Сидела здесь, что-то вышивала.

Граф взглянул на брата, и Адам, кивнув, увлек будущую жену в библиотеку. Представ перед обоими братьями, Фиона перепугалась не на шутку.

— Что ты сказала Кэт, дорогая кузина? — ледяным тоном поинтересовался Патрик.

— Ничего особенного, клянусь! Так, перебросились парой слов о всяких женских штучках.

Адам схватил суженую, перегнул через спинку кресла и ударил стеком для верховой езды. От боли Фиона завопила, попыталась вырваться. Но Патрик присоединился к брату, чтобы удержать ее на месте, и процедил с угрозой:

— Итак, что ты сказала Катрионе?

— Ну... что ты спал со мной, — не переставая всхли-
пывать, созналась Фиона.

— Мерзкая сука! — выругался Патрик. — Мне понадобилось несколько недель, чтобы заслужить доверие Кэт, а ты разрушила все за минуты.

Громко хлопнув дверью, он едва не бегом покинул библиотеку. Адам же, глядя на Фиону, поднял руку с зажатым в кулаке стеклом и, прежде чем снова обрушить его ей на спину, произнес:

— Я же предупреждал: если вздумаешь устраивать неприятности, будешь наказана.

— Нет, Адам, не надо!

Он продолжал безжалостно хлестать ее, пока она не потеряла сознание.

Гленкирк тем временем организовал поиски Катрионы. Поскольку любимый жеребец устал после поездки, он велел оседлать своего второго фаворита, Дерга, а в сопровождающие взял только брата Эллен, Конелла Мор-Лесли. Прежде чем пуститься на поиски, он переговорил с матерью, теткой Хизер и Адамом, чтобы выяснить, куда она могла направиться.

— Да она знает всю деревенскую округу вдоль и поперек. Могут уйти недели на поиски. Но свадьбу отменять нельзя, так что ты, Адам, и Фиона займете наше место. — Патрик со вздохом посмотрел на Адама. — Ты все еще намерен взять эту суку в жены?

— Уверен, подобное больше не повторится.

— Патрик, сын мой! Не суди Катриону строго, — взмолилась Мег. — Она молода и невинна, а Фиона ужасно расстроила ее своей ложью.

— Мадам, — холодно произнес Патрик, — Катриона уже две недели делила со мной ложе. Я относился к ней со всей возможной добротой и никогда ни к чему не принуждал. Она же, ни в чем не разобравшись, предпочла поверить наговору и сбежать. Я не могу ей этого простить. Я найду ее и непременно женюсь, как и собирался, но до того возьму хороший прут и так выпорю ее, что не сможет сидеть неделю.

Через несколько минут, сопровождаемый Мор-Лесли, он галопом вылетел из замка. Стояла холодная ночь, но путь им освещала полная луна. Первым делом всадники отправились в Грейхейвен, но там девушки не оказалось. Следующий пункт — Сайтен, но и здесь их ждало разо-

чарование. Поутру Патрик принял решение прочесать весь район, однако Катриона как сквозь землю провалилась: ни один человек не видел ее.

Подошел День святого Валентина, и Адам Лесли сочетался браком со своей вдовствующей кузиной. Чтобы не возникло кривотолков по поводу бракосочетания Патрика и Катрионы, был пущен слух, что жениха и невесту внезапно сразила корь. Гости вдоволь насмеялись: ну разве это не удача, что всем им предстоит еще одно торжество.

Свадебный пир Адама и Фионы был поистине великолепен, хотя новоиспеченная леди Лесли выглядела усталой и несколько подавленной. Фиона, разглядывая гостей с почетного места во главе праздничного стола, прикидывала, как бы они среагировали, если бы узнали истинную причину ее бледности. Три последних ночи перед свадьбой она провела привязанной к креслу, откуда была вынуждена наблюдать, как Адам занимается любовью со смазливой ненасытной крестьянской девкой. Она пыталась закрывать глаза, но доносившиеся из постели звуки так возбуждали, что не удавалось отвести от парочки взгляд: как загипнотизированная смотрела Фиона на мощные толчки в извивающееся тело крестьянки. Она едва выносила эти страдания: временами казалось, что она сходит с ума.

Утром в день бракосочетания ей наконец было сказано, что наказание закончено. Фиона поклялась никогда больше не пытаться вредить кухне и пообещала, когда Катриона отыщется, извиниться перед ней и рассказать правду. Адама это вполне удовлетворило, поскольку он знал, как держать будущую супругу в узде.

Закончился февраль, март сменился апрелем, когда стало известно, где искать Катриону. Эллен, навестив своих родителей в Крэнноге, узнала, что ее хозяйка живет у них! Катриона, покинув Гленкирк, отправилась прямо к Руфи и Хью Мор-Лесли. Руфь, которой уже перевалило за шестьдесят, сразу же согласилась укрыть девушку, а вот Хью не был уверен в правильности такого решения. И все же Руфь сумела убедить супруга, что ее давно умершая хозяйка одобрила бы такой поступок.

— Но ведь соседи должны были что-то заподозрить? — удивленно спросила Эллен.

— С какой стати? — сказала Руфь. — Они ни разу ее не видели. Днем она из дома не выходила, выезжала на своей Бане лишь вечером, когда стемнеет.

— Но не может же она жить у вас постоянно! Она не говорила, почему сбежала из замка?

— А как же! Из-за этой злобной Фионы! Я знавала ее, когда та была еще девчонкой. Похоже, теперь, когда выросла, стала еще хуже.

— Так и есть: именно ее отвратительный характер стал всему виной. То, что ей сказала Фиона, наверняка ложь, но мисс Катриона поверила и покинула замок, вместо того, чтобы поговорить с милордом Гленкирком и все выяснить. Его очень задело, что она так плохо думает о нем, но несмотря ни на что он по-прежнему намерен жениться на ней.

— Что ж, в таком случае мы должны устроить так, чтобы он нашел ее, но только не здесь, — мудро заключила Руфь.

— Есть такое местечко, мама. Бабушка Кэт, Жеан Кордон, завещала ей домик в А-Куил, как часть приданого. Местечко укромное, расположено в горах несколько выше Лох-Сайтена.

— И в каком он состоянии?

— Домишко из камня со сланцевой крышей, недавно отремонтированный в связи со свадьбой. Там есть кухонька, комната, а наверху — спальня. И даже конюшня на два стойла. Вот, пожалуй, и все.

— Сколько туда добираться верхом?

— Около часа, но все время в гору, — вздохнула Эллен.

— Это ерунда, — улыбнулась Руфь. — Сначала я постараюсь убедить мисс Катриону, что там ей будет спокойнее, а потом отправлюсь в Гленкирк, к графу. Это место уединенное, вдали от семейного гнезда, так что смогут разобраться между собой без помех.

Руфь сдержала слово. Убедив Кэт в необходимости больше времени проводить на свежем воздухе, особенно теперь, когда наступает лето, и заверив, что А-Куил находится на значительном расстоянии от Гленкирка, она сумела уговорить ее перебраться туда. Эллен была отправлена первой, чтобы проветрить помещения, прибраться и приобрести продукты. Кэт, страдавшая от одиночества, охотно согласилась на предложение служанки составить ей ком-

Из А-Куила, расположенного на утесе высоко в горах, в окружении сосен, открывался прекрасный вид на Гленкирк, Сайтен и Грейхейвен. Место было уединенное и тихое. Несколько дней Катриона без усталости бродила по окрестным лесам, а по ночам наконец-то крепко спала в уютной спальне. Эллен устраивалась на низенькой кровати, которую днем убирала под кровать хозяйки. Так прошло десять дней, и Катриона действительно успокоилась и почувствовала себя в безопасности.

Как-то вечером, когда за окном лило как из ведра, девушки разожгли огонь в очаге и уселись ужинать. С аппетитом уплетая поджаренный хлеб с сыром и запивая его слегка крепленным сидром, они молча наблюдали за вспышками молний. Тишину в хижине нарушало лишь потрескивание хвороста в очаге да раскаты грома за окном. Внезапно дверь хижины с грохотом распахнулась, и на пороге появился граф.

— Там, в кухне, ваш брат, Эллен. Найдете место, где вы вдвоем могли бы переночевать?

— Да, милорд, чердак над конюшней.

— Тогда ступайте туда.

— Нет! Не оставляй меня с ним, Эллен!

Служанка растерянно взглянула на хозяйку, но граф взял ее под руку и проводил до двери.

— Не заходите в эту комнату до тех пор, пока я вас не позову. Вам понятно?

— Да, милорд.

Дверь за Эллен закрылась, и служанка услышала, как гулко встал на место засов. Спустившись по лестнице, Эллен поздоровалась с братом и, провожая его в одну из комнат над конюшней, спросила:

— Он сильно сердит на нее, Конелл?

— Как черт! Не удивлюсь, если пустит в ход розги.

— Господь с тобой! — всплеснула руками Эллен. — Да он по ней с ума сходит!

— И все же, уверен, это пойдет ей на пользу. Если он не поставит эту капризную девчонку на место с самого начала, у него всегда будут с ней проблемы.

— Если бы мы знали, что он намерен обижать девочку, мы никогда не позволили бы ему найти ее.

— Сестра, — со вздохом, словно пытался растолковать ребенку прописную истину, возразил Конелл, —

да не собирается он причинять ей вред: только отшлепает, чтобы научить хорошим манерам.

Эллен в сомнении покачала головой, потому что знала свою подопечную куда лучше, чем кто бы то ни было. Графу же только предстоит узнать, что телесные наказания ни к чему не приведут и никогда не усмирят его невесту.

ГЛАВА 6

Катриона Хей кипела гневом, глядя, как граф Гленкирк не спеша аккуратно расправляет промокший плащ на спинке кресла у камина. Затем он также не торопясь снял насквозь промокшую льняную рубашку и, опустившись в кресло, потребовал:

— Сапоги, Кэт!

Это были первые слова, обращенные непосредственно к ней.

— Убирайся к черту! — последовал ответ.

— Сапоги! — спокойно повторил Гленкирк, и в его зеленых с золотым отливом глазах появился опасный блеск.

Кровь гулко стучала в висках, но Кэт все же встала на колени и стянула с него сапоги. Все в ней клокотало от ярости. Приподнявшись с кресла, граф схватил ее за длинные волосы и, намотав их на руку, притянул ее лицо к своему. Другой рукой, дернув за ворот, он разорвал ее сорочку.

— Я однажды предупреждал, что, если будешь мне противостоять, получишь хорошую трепку!

И, прежде чем Кэт смогла хоть что-то сказать, он толкнул ее лицом вниз на постель и изо всех сил хлестнул стеком по ягодицам. Вскрикнув от боли и гнева, она попыталась было вырваться, но он удержал ее и оставил еще несколько алых полосок на ягодицах. Затем, отбросив стек в сторону, он за волосы поднял Кэт с постели и холодно проговорил:

— Это были чудесные месяцы, мадам! Так нашу семью еще никто никогда не позорил. С радостью сообщаю, что свадьба состоится, а законная супруга моего брата Фиона займет почетное место на нашей церемонии.

Перевернувшись, Кэт осторожно села на кровати и, вызывая все вскинув залитое слезами лицо, воскликнула:

— Ты негодяй! То, что было между ног у меня, ты вводил и в нее! Никогда не прощу тебе этого! Никогда!

— Маленькая сучка! Как ты смеешь меня обвинять?! И как можно было поверить Фионе?! Однажды она действительно пробралась в мою комнату и разделась догола. Со мной в тот вечер был Адам, и он уже несколько лет сходил по ней с ума, а я ушел спать в его комнату. Никогда ничего не было у меня с этой дьяволицей!

— А почему я должна тебе верить? Твоих бастардов полно в округе. Фиона к тому же сказала, что всегда добивается своего: спит с кем хочет, — а потом описала твою спальню в деталях. И как, по-твоему, мне следовало на это реагировать?

— Почему ты сразу поверила ей, даже не поговорив со мной? Ведь знала, что я люблю тебя и никогда не заставлю страдать.

— Лжец! Ненавижу тебя! Убирайся из моего дома!

— Твоего? Нет, Кэт. Этот дом является частью наследства, которое я получил вместе с тобой. Теперь он, как и ты, принадлежит мне.

Он толкнул ее в плечо и придавил к постели своим телом.

— Ты моя собственность, Кэт, так же как Гленкирк, как лошади, как собаки, — вещь, которую я буду использовать для рождения сыновей.

Она вдруг вскинула руку, и в рукаве что-то блеснуло. Патрик рывком отскочил, успев перехватить ее запястье и вырвать зажатый в пальцах небольшой кинжал.

— Откуда тебе известны приемчики шлюхи, милая? Что ж, значит, и обращаться с тобой надо как со шлюхой! — процедил Гленкирк.

— Лучше я буду шлюхой, чем твоей женой! И ни один мужчина до тебя не прикасался ко мне!

Он засмеялся.

— Да, я помню, но с тех пор, как ты выказала некий... интерес, я кое-чему тебя научил. Теперь в постели ты не будешь неумехой. Пожалуй, практики у тебя маловато, но я это исправлю.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожилась Катриона, в то время как ее глупое сердце пустилось вскачь.

— А то, моя дорогая, что пока я не осчастливорю твое чрево своим наследником, домой в Гленкирк ты не

отправишься. Совершенно ясно, что быть уверенным, что ты согласишься на свадьбу, я не могу, но если ты будешь носить моего сына, то выбора у тебя не будет.

Быстро освободившись от костюма для верховой езды, он грубо схватил ее за ноги, развел их в стороны и, забросив себе на плечи, погрузился лицом в пушистые завитки. Ее крики ужаса вскоре сменились стонами стыдливого желания, когда его бархатный язык проник к ней в пещерку и принялся там хозяйничать.

— Патрик! Нет! Пожалуйста. О боже мой! Нет!..

Она отчаянно пыталась как-то увернуться от требовательного и настойчивого рта, который лизал, посасывал, однако большие сильные руки держали ее словно в железных тисках, посылая в глубь ее тела волны огня и боли. Всхлипывая, она извивалась, пытаясь не позволить ему одержать победу, но дважды ему это все-таки удалось. После того, как ее тело перестало содрогаться, он оседлал ее и глубоко проник в лоно, чтобы усладить самого себя. Когда она смогла осознавать происходящее, то поняла, что опять нетерпеливо извивается под ним. Он ускорил движения, хрипло вскрикнул и, скатившись с нее, холодно произнес:

— Это, моя дорогая, был урок номер один.

Забившись в угол кровати, она заплакала от унижения. Плечи ее тряслись.

Ему хотелось обнять и успокоить ее, но Патрик Лесли был уверен, что малейшее проявление нежности все разрушит. Он совершенно не хотел сломить ее дух — просто должен был показать, кто в доме хозяин.

Катриона же в силу своей неопытности не знала, каким образом женщина может управлять мужчиной, так, чтобы он об этом даже не догадывался. Патрик был бы поражен, если бы узнал, что плакала она не от того, что он сделал, а оттого, что он оказался сильнее ее.

Он снова притянул девушку к себе и обхватил груди.

— Нет! — запротестовала Кэт, но Гленкирк, не обращая на нее внимания, сильнее сжал ладонь и прошептал:

— У тебя самая лучшая грудь из всех, что я встречал.

Его руки спустились ниже, к подрагивающему животу, пушистому холмику...

46 — Нет! Не надо больше! — воспротивилась Катриона.

Мягко усмехнувшись, он приподнялся на локте, раздвинул ей ноги пошире и принялся перебирать пальцами ее влажные складки.

— Разве тебе не понравился урок номер один, дорогая?

Извернувшись всем телом, она снова попыталась освободиться от его руки.

— Когда я расскажу отцу, как ты меня изнасиловал, он тебя убьет!

— Нет, милая, даже не надейся. Он благословил меня делать с тобой все, что угодно, так как знает, что я выполню условия брачного соглашения и женюсь на тебе, чего он, собственно, и ждет.

Катриона понимала, что Патрик прав, и это приводило ее в неистовство.

Он ближе притянул ее, завладел искусанными губами и целовал до тех пор, пока она не закричала от боли. В тот же миг его губы стали мягкими и нежными, а прикосновение восставшей плоти к бедрам побудило их раздвинуться, поясница выгнулась, чтобы оголодавшая укромная пещерка смогла принять член.

Глядя на все это, Патрик Лесли мягко усмехнулся:

— Бог мой, Кэт, да ты просто маленькая голодная сучка! Пожалуй, ничуть не меньше Фионы охоча до мужчин.

Оба ее кулачка заколотили по его гладкой, лишенной волос груди, что снова рассмешило Патрика, и он принялся мягко усмирять ее сопротивление, пока оно не сменилось податливостью.

В конце концов, насытившись, он заснул. Кэт не могла вырваться из его крепких объятий, поэтому смирилась и вскоре тоже уснула.

Ранним утром, едва проснувшись, граф снова овладел девушкой, хотя все ее тело уже болело, а между ног саднило. Поняв это, Гленкирк сходил за ванной из обитого железом дуба, поставил ее перед огнем камина и, сопровождаемый удивленными взглядами, принялся носить из кухни емкости с горячей водой. Когда ванна наполнилась почти до краев, Патрик достал кусок сладковато пахнущего мыла и, подняв Кэт на руки, опустил в воду, не удержавшись от комментария:

— От тебя несет как от шлюхи из борделя.

— Тогда ты должен чувствовать себя как дома, — съязвила Катриона.

Патрик снял с постели белье, вынес в прихожую и застелил кровать свежими простынями с ароматом лаванды. Потом он покинул комнату, а когда вернулся, в руках у него был кубок. Она уже к этому времени, приняв ванну, сидела у камина, завернувшись в полотенце.

— Выпей.

— А что это?

— Сладкое красное вино с взбитыми яйцами и ароматными травами.

Напиток оказался таким изысканно вкусным, что Катриона осушила весь кубок. Забрав влажное полотенце, Патрик поднял Кэт на руки, перенес в постель, уложил на прохладные простыни и накрыл одеялом.

— Постарайся заснуть, дорогая: ночь была длинная.

Нагнувшись, он поцеловал Катриону в лоб, и она спросила:

— А ты куда?

Патрик Лесли собирался ответить, но Кэт уже уснула. Постояв несколько минут у кровати, глядя на свою спящую невесту, он думал о том, как любит ее и как ее напугал, но он не собирался рассказывать ей о своих чувствах. Женщин лучше держать в неведении — тогда ими проще управлять. И он не выдержит, если она скажет, что ненавидит его.

Он тоже вымылся, оделся и спустился в кухню. Конелл был уже там и хотел встать при его появлении, но Гленкирк его остановил и обратился к его сестре:

— Эллен, дорогая, дайте и мне миску этой замечательной овсянки, которой наслаждается ваш брат.

Служанка подала ему кашу, и, прежде чем приняться за еду, Патрик сказал:

— Конелл, я бы хотел, чтобы ты съездил сегодня в Гленкирк и привез для меня и Катрионы одежду. Мы проведем здесь несколько недель. Эллен спросит, что ей нужно, и я запишу.

— Я умею и читать, и писать, милорд, — холодно заметила служанка. — Если вы не против, я предпочла бы написать леди Хей сама.

— Очень хорошо, — улыбнулся Патрик. — Не осуждайте меня. Я же люблю ее, и вы это прекрасно знаете.

— Но вы наказали ее, милорд...

— Всего-то с дюжину розог по аппетитной попке. Пусть знает, кто в доме хозяин.

— Дюжина?

— Она заслужила гораздо больше, но я решил проявить милосердие.

— Да уж, — согласилась Эллен. — Только вот что я вам скажу: когда она была ребенком, порка ни к чему хорошему не приводила. После наказания она только еще больше рас- палялась.

— С тех пор ничего не изменилось, — усмехнулся граф.

Эллен написала леди Хей записку, в которой просила при- слать несколько перемен нижнего белья, пару мягких полот- няных рубашек, полдюжины ночных кружевных рубашек из приданого Катрионы, бархатный халат, домашние туфли и несколько кусков туалетного мыла. Ее подопечная, убегая из Гленкирка, догадалась захватить с собой расческу для во- лос, а также зубную щетку, пользоваться которой ее научила прапрабабушка.

— В списке не слишком много всего, но я буду здесь и по- стираю, если надо. Все это не займет много места, так что проблем не будет, — сказала служанка, передавая листок.

Граф поблагодарил Эллен и повернулся к Конеллу.

— Отведи Бану и кобылу твоей сестры обратно в Гленкирк. Я хочу, чтобы здесь остались только две наши лошади.

— О, милорд, — взмолилась Эллен, — не забирайте у нее Бану. Она так любит кататься верхом.

— Она получит свою лошадь, когда мы вернемся обратно в Гленкирк. Не хочу предоставлять ей шанс сбежать от меня. Мы останемся здесь до тех пор, пока она не понесет моего ребенка. После этого я отвезу ее домой и женюсь.

Эллен вздохнула.

— Она рассердится, милорд.

— Я сейчас уеду на охоту, так что буду избавлен от ее гне- ва, — сухо ответил Гленкирк.

Кэт проснулась ближе к вечеру. Конелл уже вернулся, по- этому первое, что увидела девушка, была Эллен, которая сто- яла на коленях перед небольшой коробкой и вытаскивала из нее какие-то вещи.

— Что это ты делаешь? — спросила она сонно.

— Да вот убираю вашу одежду и белье, милая. Конелл только что привез все это из Гленкирка.

Кэт, окончательно проснувшись, села в кровати.

— А где Патрик?

— Уехал еще на рассвете охотиться на оленя.

— Дай мне чистую рубашку и бриджи: хочу отправиться на верховую прогулку, раз утром не получилось.

С этими словами она спрыгнула с кровати.

Эллен глубоко вздохнула.

— Ничего не получится, мисс Кэт. Вы только не сердитесь. Его светлость приказал переправить вашу Бану и мою Броуни в Гленкирк.

Катриона яростно выругалась.

— Вот ублюдок! Если бы я могла, то ушла бы отсюда пешком, но не провела бы больше ни одной ночи в этом доме, пока он здесь.

— Он также распорядился, — продолжила Эллен, — не выпускать вас из дома. Вы можете ходить здесь нагой, сказал он, или в ночной сорочке, но никакой другой одежды мне приказано вам не давать.

В груди Кэт все кипело от ярости, но она сумела справиться: ведь верная Эллен ни в чем не виновата.

— Дай мне надеть хоть что-нибудь, — попросила она устало. — И не суетись, ради бога: все это бесполезно. Все равно он скоро сорвет с меня все это, потому что от своей шлюхи ему нужно только одно.

— Мисс Кэт, — робко заметила Эллен, — он все-таки ваш будущий супруг. Не надо бы вам противоречить ему и пытаться убежать.

— Боже мой, Эллен! Когда это он успел так очаровать тебя?

Служанка молча протянула Кэт светло-бирюзовую шелковую ночную сорочку и, прежде чем выйти из комнаты, сказала:

— Пойду принесу вам что-нибудь поесть.

Кэт просунула голову в вырез сорочки, и легкая ткань скользнула вниз по ее роскошному телу. Усевшись на кровать, она принялась медленно расчесывать щеткой спутанные волосы цвета меда. Итак, этот варвар решил, что, отобрав лошадь и одежду, сделает ее своей пленницей. Что ж,

50 какое-то время так оно, возможно, и будет, но в конце

концов как только представится случай, она все равно убежит. Уже не имело никакого значения, спал он с Фионой или нет, хотя Кэт — чего уж скрывать — была рада услышать, что не спал. Значение имело лишь то, что Катриона не желала быть чьей-то собственностью. Никто никогда не будет владеть ею. До тех пор пока Патрик Лесли не поймет, что она личность, а не дополнение к нему, она будет бороться с ним.

В комнату вернулась Эллен с подносом в руках.

— Свежий хлеб — только что из печи, — половина жареного на огне кролика, мед в сотах и кружка темного пива.

Кэт тут же почувствовала зверский голод.

— Уверена, что если сможете все это съесть, все будет хо-рошо! — поощрила подопечную Эллен.

— Только полный идиот отказывается от пищи в подобных ситуациях, — заявила Кэт. — Если я намерена сбежать, то необходимо сохранять силы.

— Мисс Кэт! Я не знаю другой причины, почему граф терпит ваши выходки, кроме как любовь.

— Любовь? Сушая ерунда, Элли! Он считает, что я его собственность, и, чтобы продемонстрировать свое превосходство, насилует мое тело.

Эллен только пожала плечами: понять Катриону, когда та говорила подобным образом, ей было не под силу. Забрав пустой поднос, качая головой, она вышла из комнаты, а Кэт принялась мерить шагами комнату.

До последней ночи это было просто место, где она спала, теперь превратилось в тюремную камеру. Войти сюда можно было только через дверь, которая вела с лестницы. Кроме камина в комнате стояла еще большая кровать под балдахином, расположенная напротив входа, низкий комод в ее изножье, маленький столик около стены с круглым окном и кресло. На стене слева от двери висело большое зеркало.

Кэт подошла к окну и выглянула наружу. Отсюда ей была видна лишь часть аллеи, уходящей вниз, и лес. С тоской обозревая окрестности, она вдруг заметила всадника. Верхом на Дерге ехал Гленкирк, и через седло была перекинута оленья туша. Навстречу графу из дома выбежал Конелл, отвязал добычу, забросил себе на плечи и понес к конюшне. Граф последовал за ним, а Кэт, приоткрыв дверь спальни, крикнула:

— Приготовь на кухне ванну для графа, Элли. Он только что вернулся с добычей, и сейчас они с Конеллом будут ее разделявать. Не хочу, чтобы он вымазал в крови всю мою спальню.

Когда час спустя Патрик вошел в спальню, обернув бедра грубым полотенцем, она едва не расхохоталась. Он тоже не сдержал улыбки.

— Как видите, мадам, ваше распоряжение выполнено. Подойдите же и поцелуйте меня.

Катриона послушно приблизилась к нему, закинула руки на шею и легонько коснулась губами уголка рта.

— Боже, как ты прелестна! — пробормотал Патрик, поглаживая своими большими руками ее скрытое под тонким прозрачным шелком тело.

— Пожалуйста, — прошептала Кэт.

— «Пожалуйста» что? — уточнил он напряженным голосом и повел ее к зеркалу.

Медленно лаская взглядом едва прикрытую наготу, он спустил на пол ее ночную сорочку и обхватил ладонями восхитительные груди. Соски тут же затвердели и поднялись.

— Что ты со мной делаешь, Кэт! Я всего лишь прикоснулся к тебе, и уже горю желанием!

— Нет! — произнесла она едва слышно, зажмурившись.

Гленкирк усмехнулся и, развернув ее к себе, стал покрывать поцелуями шею, веки, щеки. Потом его губы стали спускаться ниже, лаская груди, посасывая их вершинки. Вот он опустил-ся на колени, крепко обхватил ее за талию и принялся целовать живот. Поцелуи становились все интенсивнее, по мере того как опускались ниже. Ее бедра сами собой разошлись в стороны, давая доступ его губам к крохотному бугорку. От пронзивших тело острых ощущений Кэт всхлипнула.

— Не плачь, милая, — произнес он мягко. — Ничего постыдного в том, чтобы наслаждаться этим, нет.

— Ты уверен?

— Абсолютно! — заявил он твердо, притягивая ее на пол, поближе к камину. — Уж я-то знаю. Случается, женщина получает наслаждение, даже когда сопротивляется подобно демону и кричит, что ненавидит.

— Ненавижу тебя, — заявила Кэт.

52 Он только усмехнулся.

— Что ж, значит, следующие несколько недель я буду каждый день давать тебе повод ненавидеть меня еще больше.

Устроившись у нее между ног, он без предисловий вонзил свой готовый к бою клинок в ее бархатные глубины. Она попыталась было вывернуться, но он не позволил.

— Нет уж, милая! Я же сказал: ты моя. А свое я не упусти!

ГЛАВА 7

Весна закончилась, наступило лето, а граф Гленкирк по-прежнему держал свою нареченную пленницей в А-Куиле. Часто он навещался на пару часов в свой замок для решения хозяйственных вопросов, довольно много времени проводил на охоте, а каждую ночь занимался любовью с Кэт.

Катриона, хотя ни за что не призналась бы в этом, ждала ночей в объятиях Патрика. Природа брала свое, к тому же мало-помалу она влюблялась в будущего мужа. Что же касается самого графа, то он давно был страстно влюблен и убил бы любого, кто осмелился бы даже взглянуть на его невесту с вождением.

По мере того как дни становились длиннее и теплее, граф часто сажал Кэт на своего коня, и они отправлялись на прогулку в лес или на луга. Случалось, они занимались любовью под солнечными лучами на вересковых пустошах. Своим теплом Катриона напоминала выдержанное вино, а сладостью любви — мед. Патрик сам себе удивлялся — если раньше он не был верен ни одной женщине больше одной-двух недель, то теперь боялся даже думать о возвращении в Гленкирк, где ее придется делить с семьей.

Но их уединение не могло длиться вечно. Кэт не связывала прекращение ежемесячных кровопотерь с наступлением беременности, но это настораживало Эллен. И вот как-то утром представился случай обратить на это внимание своей юной хозяйки.

Граф встал на рассвете и отправился верхом в Гленкирк. Эллен обрадовалась и с подносом, на котором лежал только что испеченный пирог, отправилась в спальню.

— Ваш любимый, — произнесла она с улыбкой. —
Понюхайте, какой ароматный.

Катриона внезапно побледнела и, выбравшись из постели, схватила миску со стола и склонилась над ней в приступе рвоты.

— Ох, — сочувственно вздохнула Эллен, отставив в сторону поднос и вытирая обильно выступивший на лбу девушки пот уголком полотенца. — Давай-ка обратно в постель, моя дорогая, а то, похоже, младенец нынче не в духе.

Кэт уставилась на верную служанку как на умалишенную.

— Что это ты там такое бормочешь, Элли? И убери отсюда этот чертов пирог, а то меня опять вывернет! Лучше принеси мне темного пива и овсянки.

Эллен поспешила унести отвергнутый пирог и через несколько минут вернулась с пивом и овсянкой. Катриона осторожно отхлебнула глоток, словно прислушиваясь к себе, а потом, явно удовлетворенная, жадно набросилась на овсянку.

— Ну как, теперь получше? — участливо спросила Эллен.

— Гораздо лучше. Никак не пойму, что со мной такое: уже третий раз на этой неделе. Может, мясо испортилось в кладовой?

— Да не в мясе дело, моя дорогая, — взволнованно произнесла добрая женщина. — Это все ребенок! Граф все-таки добился своего, и мы наконец сможем отправиться домой!

Светло-зеленые глаза Кэт расширились, и она в ужасе прошептала:

— Нет! Этого не может быть... Нет! Нет!..

— Да! Вы беременны, вне всякого сомнения! Граф будет так рад!

Катриона в гневе повернулась к Эллен:

— Посмей только сказать ему: отрежу язык!

— Миледи!

Кэт на минуту закрыла глаза, а когда открыла, голос ее был совершенно холоден и спокоен.

— Я сама сообщу милорду о своем положении, когда сочту нужным. Беременность еще не заметна, а покидать А-Куил мне пока не хочется.

Будучи натурой мягкосердечной, Эллен подумала, что ее подопечная хочет провести еще некоторое время наедине с графом, поэтому не стала возражать, а просто спросила:

— Когда у вас в последний раз была кровь?

54 Катриона задумалась на минуту, наконец, произнесла:

— В начале мая.

— Ах, милая, значит, прошло уже три месяца! — вплеснула руками Эллен. — Мы можем подождать еще неделю, но не больше. Придется сказать его светлости. Малыш родится зимой.

— Никаких намеков, Элли, никаких красноречивых взглядов! Я хочу преподнести графу сюрприз.

Так бы и произошло, и она покорно возвратилась бы в Гленкирк, но Патрик сам все испортил. Задержавшись в имении из-за какой-то несерьезной проблемы на целых три дня, он явился в А-Куил возбужденным, как молодой жеребец.

Кэт, намереваясь сообщить новость, радостно выбежала ему навстречу, но не успела вымолвить и слова до того, как была грубо подхвачена, принесена в спальню, быстро, без предварительных ласк, распростерта на постели и буквально изнасилована. Девушка была преисполнена гнева.

Ее душила ярость, а Гленкирк, на какое-то время удовлетворенный, сел среди подушек и притянул ее спиной к себе. Ему очень нравилось ласкать ее груди, он знал, что и ей это доставляет удовольствие, поэтому обхватил их ладонями и сжал. С началом беременности они стали побаливать, так что его довольно энергичные ласки вызвали лишь раздражение, но еще больше разозлило, когда он сказал, хихикнув:

— Похоже, эти сладкие холмики подросли. Мужские руки просто творят чудеса, не правда ли, любовь моя?

Его слова и действия были встречены угрожающим молчанием, но он не обратил на это внимания: все его мысли занимало ее тело и собственное желание. Овладев ею еще раз, он выпихнул ее из кровати, шлепнул по ягодицам и потребовал принести обед.

Катриона спустилась в кухню. Поскольку Эллен уже давно спала, она достала из кладовки половину поджаренной птицы, небольшой кусок пирога с олениной, налила большую кружку пенистого пива и добавила в напиток шепотку сушеных трав, которые обеспечили бы графу прекрасный сон.

Расставляя принесенное на столике в спальне, Кэт почти почувствовала себя виноватой, когда он сказал:

— Ты будешь самой лучшей графиней Гленкирк в нашем роду! Боже мой, милая, как же я люблю тебя!

Вскоре сдобренное травами пиво начало действовать, и, забравшись в постель, Патрик крепко заснул.

Обладавшая с раннего детства способностью просыпаться, когда необходимо, Катриона встала затемно, натянула бриджи для верховой езды и полотняную рубашку, собрала самые необходимые вещи, прихватив и теплый плащ Гленкирка, и выскользнула из дома. До рассвета оставалось еще добрых три часа. Кэт тихонько пробралась в конюшню. Тишину нарушало лишь похрапывание Эллен, доносившееся с чердака. Конелл, как обычно, ночевал у своей подружки в полумиле от А-Куила. Стараясь не шуметь, Кэт оседлала Дерга, взяла под уздцы Файна, вторую лошадь, и вывела животных из конюшни. Отдалившись примерно на четверть мили от домика, она села верхом на Дерга и, прикрепив к седлу поводья Файна, пустилась галопом в направлении Грейхейвена, рассчитывая добраться туда еще до того, как проснутся слуги.

Там она соберет кое-что из одежды, все свои украшения, позаимствует золота из шкатулки отца и покинет поместье. Добравшись до большой дороги, Катриона отвязала Файна и направила обратно, шлепнув ладонью по крупу. Конь тут же поскакал к своему стойлу в Гленкирке, а Кэт, с аппетитом уплетая овсяную лепешку, двинулась своей дорогой. Ей все-таки удалось провести Патрика! В последние недели он был так мил и добр с ней, что она почти поверила в его чувства, но последняя ночь буквально все перечеркнула. Все обстояло именно так, как он и сказал: она всего лишь его собственность, инструмент, с помощью которого он надеялся обзавестись наследником. Что ж, вскоре она докажет ему, что никогда не будет ничьей рабыней и не позволит считать ее вещью.

Она послала Дерга в галоп. Неужели Патрик и в самом деле верил, что, отобрав Бану, лишил ее возможности бежать? Плохо же он ее изучил: нет на свете такой лошади, которую не смогла бы оседлать Катриона Хей! Ей доставляло громадное удовольствие осознавать это.

Патрик Лесли проснулся с головной болью и странным привкусом во рту. В дверь громко стучали. Пошарив вокруг руками и никого не обнаружив, он крикнул:

— Входи же, черт возьми!

В спальню ввалились Эллен и Конелл и одновременно, перебивая друг друга, заговорили.

— Да не тараторьте вы! Давайте по одному. Сначала ты, Эллен.

— Она исчезла, милорд. Мисс Катриона сбежала, прихватив лошадей.

— Когда?

— Похоже, ночью. Прошу прощения, милорд, я спала как убитая до шести часов утра и не слышала ни звука.

— А где был ты? — спросил граф, поворачиваясь к Конеллу. — Впрочем, можешь не отвечать: опять миловался с той маленькой пастушкой. Черт побери! Ну, держись, негодница: на сей раз, когда поймаю, она целый месяц не сможет сесть!

Эллен резко развернулась и заявила:

— Вы и пальцем ее не тронете, милорд. Моя милая девочка уже больше трех месяцев носит вашего ребенка. Она собиралась сообщить об этом, когда вы вернетесь из Гленкирка. Что же такое вы сделали с ней, если вынудили сбежать?

Патрик покраснел и несколько стушевался под натиском разъяренной фурии.

— Ничего такого... просто взял ее. За три дня очень соскучился.

— Если бы мужчины из рода Лесли больше думали головой, чем своими причиндалами, такого бы не произошло. — Она обвела спальню укоризненным взглядом. — Представляю, как и сколько раз вы «просто взяли ее»... а затем, готова держать пари, еще и обед потребовали.

Граф смущенно потупился, и Эллен презрительно фыркнула.

— О боже, милорд! Куда подевался ваш здравый смысл? Будь вы англичанин или француз, я бы вас еще поняла, но как вы, шотландец, могли не знать, что шотландская женщина — самое независимое существо на свете! Что ж, это вам хороший урок: на сей раз ее найти будет не так-то просто.

— Она, скорее всего, дома, — предположил Патрик. — Наверняка ускакала к матери.

Эллен в сомнении покачала головой.

— Нет, милорд. Если она и была в Грейхейвене, то сейчас там ее нет. Скорее всего, забрала свои драгоценности и скрылась. Но куда она могла направиться, я уж и не знаю: раньше-то никогда не покидала пределы поместья.

— А разве ее драгоценности не в Гленкирке? — удивился Патрик.

— Нет, ваша светлость. В феврале, когда Кэт сбежала от вас, я перевезла их в Грейхейвен, и она знала об этом.

Патрик молча поднялся с кровати, а Эллен, также не сказав больше ни слова, прежде чем выйти из спальни, протянула ему костюм для верховой езды.

— Где можно добыть лошадей? — спросил Гленкирк у Конелла.

— В долине. На ферме Гевина Шоу.

— Ступай туда, — велел граф. — Я отдам кое-какие распоряжения и тоже отправлюсь.

Конелл кивнул и вышел из спальни. Патрик, полностью одетый, спустился в кухню, и Эллен протянула ему большой сверток:

— Вот возьмите в дорогу — хлеб с ветчиной.

Благодарно кивнув, он попросил:

— Соберите мои вещи, Эллен. Я во второй половине дня пришло кого-нибудь за ними. Вы, надеюсь, согласитесь переехать в Гленкирк? Пожалуй, теперь она будет куда больше нуждаться в вас, чем раньше.

— Да куда уж я теперь. Ее комнаты все еще нуждаются в ремонте, да и детскую надо приготовить.

Патрик Лесли вышел из А-Куила и направился на ферму Шоу. Несколько часов спустя выяснилось, что Эллен была права: Кэт в Грейхейвене не оказалось, а все ее драгоценности и изрядная часть отцовского золота исчезли.

Не обнаружил он Катрионы ни в Сайтене, ни в Крэнноге, а в Гленкирке дорогая мамаша обозвала его идиотом и потребовала, причем таким тоном, которого никогда себе не позволяла, чтобы как можно скорее разыскал ее невестку и будущего внука.

— Но я даже представить себе не могу, где ее искать, — возразил Патрик.

Мать посмотрела на него с искренней жалостью.

— У тебя осталось меньше шести месяцев, чтобы найти ее, сын, иначе следующий законный владелец Гленкирка будет рожден бастардом.

Едва не зарывав от отчаяния, Патрик вышел из комнаты.

Катриону наверняка порадовало бы состояние графа,

58 доведись ей его увидеть.

ГЛАВА 8

Фиона Лесли набросила капюшон плаща, чтобы скрыть лицо, осмотрелась по сторонам, дабы удостовериться, что за ней не следят, и проскользнула в дверь трактира «Роза и чертополох».

— Я ищу миссис Абернети.

— Вверх по лестнице и направо, — ответил ей стоявший за стойкой трактирщик.

Фиона стала подниматься по лестнице, хотя и понятия не имела, кто эта женщина — Абернети. Когда какой-то уличный парнишка-рассыльный сунул ей в руки записку, женское любопытство взяло верх над здравым смыслом. Она постучала в дверь и, услышав разрешение войти, шагнула в комнату. Стоявшая у окна женщина повернулась к ней лицом, и Фиона от неожиданности вскрикнула.

— Кэт!

— Закрой дверь, проходи и садись.

Фиона аккуратно расправила свои юбки черного бархата и придиричиво оглядела кухню.

— Мне казалось, что Гленкирк держит тебя в заточении в А-Куиле. Как же ты оказалась здесь?

— Я сбежала от него, и мне нужна твоя помощь, Фиона.

— Боже мой, какая же ты глупышка, Кэт! — вздохнула та. — Я обещала Адаму, что, когда мы снова встретимся, скажу тебе правду. У меня никогда ничего не было с Гленкирком, хотя, признаюсь, до того, как сошлась с его братом, просто сгорала от страсти по нему. — Фиона усмехнулась, но вышло это довольно жалко. — Если начистоту, он просто не захотел меня! Представляешь, я лежала в чем мать родила в его кровати, но на него и это не подействовало! Он всегда хотел только тебя. Вот тебе и вся правда!

Кэт улыбнулась.

— Спасибо, что рассказала сама. Патрик, правда, уже говорил, что не спал с тобой, но теперь я совершенно в этом уверена.

— Тогда что ты делаешь здесь, в Эдинбурге? Готова поспорить, что бедный Гленкирк понятия не имеет, где ты сейчас, и места себе не находит.

— Да, он, вероятно, разыскивает меня, но я к нему не вернусь, во всяком случае, до тех пор, пока не признает, что я тоже человек, а не племенная кобыла. Фиона, мне нужна твоя помощь! Пусть мы никогда не были близки, но я очень надеюсь, что ты сможешь меня понять. Эллен сказала, что вы с Адамом вскоре уезжаете во Францию. Позволь мне пожить у вас. Гленкирку никогда и в голову не придет разыскивать меня в Эдинбурге, тем более в вашем доме.

Фиона в раздумье закусила губу. Кэт вскоре станет графиней Гленкирк, а такими друзьями не бросаются. Но с другой стороны, если Адам узнает, что она помогает Кэт скрываться от его брата, то опять накажет ее самым ужасным способом, к которому уже прибегал.

Заметив ее нерешительность, Кэт встала со стула и с мольбой протянула руки.

— Прошу тебя, Фиона.

Взглянув на кухню повнимательнее, та заметила небольшую округлость живота и тут же все поняла.

— Боже мой, Кэт! Да ты носишь его ребенка!

— Да, — с горечью подтвердила Катриона. — Знаешь, что Гленкирк как-то сказал мне? Что я «вещь», с помощью которой он собирается делать детей. Ненавижу его!

Фиона не думала, что Катриона и в самом деле ненавидит Патрика, но прекрасно понимала ее чувства. Все мужчины из рода Лесли были чертовски гордыми. Кузина же всего лишь хотела, чтобы ее считали личностью. Еще немного бесплодных поисков, и Гленкирк будет на грани отчаяния и согласится на все, лишь бы ребенок не стал бастардом.

Фиона решила, что разлука еще на некоторое время пойдет ее родственникам только на пользу. Кроме того, это будет маленькая месть дорогому кузену, не пожелавшему ее когда-то.

— Дом твой, дорогая, но, к сожалению, без слуг. Я уже всех распустила.

— Мне никто и не нужен! — заявила Кэт, обрадовавшись.

— Не глупи! Тебе в твоем положении понадобится помощь. Я напишу записку миссис Керр, которая обычно присматривала за домом, когда меня не было. Представлю тебя недавно овдовевшей кузиной, миссис Кэт Абернети, и спрошу, не согласится ли она присмотреть за тобой. У тебя есть чем

60 ей заплатить?

— Да, деньги есть. К тому же я захватила свои драгоценности.

— Если вдруг не хватит денег или понадобится что-то заложить, обратись в торговый дом Кира на Голдсмитс-лейн. И, Кэт, обязательно посети доктора Роберта Рамсея. Он живет через несколько домов от нас, сразу за поворотом на Хай-стрит. Помни, что носишь под сердцем наследника Гленкирков.

— Спасибо тебе, — мягко произнесла Катриона и неожиданно поцеловала кузину в щеку.

— Мы уезжаем завтра утром, — хрипло от нахлынувших чувств сказала Фиона. — Приходи во второй половине дня. Миссис Керр впустит тебя в дом и передаст ключи. — Фиона поднялась и, набросив капюшон на голову, добавила: — И все же постарайся поскорее простить Патрика, Кэт. Лесли могут быть высокомерными, но, клянусь Богом, они все же настоящие мужчины.

На следующий день, ближе к вечеру, Катриона перебралась из трактира «Роза и чертополох» в дом Фионы. Дом этот изначально принадлежал их бабушке Фионе Абернети, жене первого графа Сайтена. Их прабабка, легендарная Джанет Лесли, посчитала, что дом должен отойти той из кузин, которую называли в честь владелицы, и его унаследовала Фиона Лесли.

Здание было построено лет семьдесят назад из обожженного красного кирпича и ничего грандиозного собой не представляло. В подвальном помещении располагались просторная кухня, кладовая, буфетная и небольшая комната, где стояли чаны для стирки. Столовая, зал для официальных приемов, небольшая семейная гостиная, окна которой выходили в сад, и богатая библиотека размещались на первом этаже, а на втором — четыре спальни с собственными гардеробными. Для размещения слуг предназначалась мансарда.

При доме была обустроена небольшая конюшня, куда Кэт поместила Дерга, сад изобиловал цветами, травами и фруктовыми деревьями, с трех сторон здание обвивал плющ. Модная Хай-стрит проходила в некотором отдалении, поэтому все здесь дышало спокойствием.

Миссис Керр, доброжелательная крепко сбитая вдовушка средних лет, отнеслась к Катрионе с сочувстви-

ем и даже поведала, что и сама по молодости оказалась в таком же положении. В приграничном инциденте с англичанами убили ее мужа. Она была на шестом месяце беременности. Ей пришлось в одиночку поднимать сына, и ничего — тот вырос отличным парнем.

— Сказала ли вам моя кузина, леди Лесли, каким образом погиб мой муж? — спросила Кэт.

Миссис Керр отрицательно покачала головой.

— Это произошло всего два месяца назад, — скорбно произнесла Кэт. — В Хилс, на границе с Англией.

— О да, — сочувственно кивая, произнесла вдова. — Я помню это. Но англичане тогда потеряли куда больше парней, чем наши.

Оставшись одна, Катриона довольно улыбнулась. Похоже, Кэт Абернети вскоре станет известна местному обществу: миссис Керр явно любила посплетничать — милая женщина, которую хлебом не корми, но дай почесать языком.

На следующий день, следуя совету Фионы, она отправилась к доктору Рамсею. Он осмотрел ее и заключил:

— Если не произойдет чего-нибудь чрезвычайного, моя помощь вам вряд ли понадобится. Плод развивается нормально, и у миссис Керр достаточно опыта, чтобы помочь младенцу появиться на свет. Но если вам так будет спокойнее — посылайте за мной.

Поселившись в доме Фионы, Кэт обнаружила, что не утратила способности радоваться жизни. По утрам ее больше не донимали приступы рвоты, ела она теперь за двоих. Еще ни разу за всю свою жизнь она не оказывалась в подобной ситуации: так далеко от дома, и никого рядом — ни матери, ни отца, ни Гленкирка, ни Эллен. Миссис Керр появлялась каждое утро, прибиралась в доме и готовила еду, а уходила задолго до наступления темноты.

С наступлением осени Кэт стала все чаще прогуливаться по наиболее респектабельным улицам Эдинбурга, изучая город. Одежду она носила простую, хотя и довольно дорогую, беременность была уже заметной. Никто не беспокоил ее и не обращал на нее внимания. Когда начало холодать, она ограничила свои прогулки пределами сада и лишь иногда ходила на рынок в сопровождении миссис

Эти прогулки были очень познавательны для Кэт, ей открывался совершенно новый мир. Миссис Керр научила ее выбирать не только продукты, но и ткани для одежды новорожденному. Прошло не так уж много времени, Кэт сама начала ориентироваться, где что продается, и сама просила:

— Миссис Керр, мне нужно в галантерейную лавку: кончился чудесный голубой шелк для чепчиков малыша. Может, купить что-нибудь у мясника, раз уж я буду проходить мимо его лавки?

Миссис Керр вовсе не удивляло, что ее молоденькая подопечная настолько наивна в бытовых вопросах, так как Кэт поведала ей душещипательную историю о том, что очень рано потеряла родителей и была отдана на воспитание в монастырь. Это было вполне правдоподобно, и добрая женщина не заподозрила обмана.

Когда дни стали короче, миссис Керр решила, что ее юная подопечная не должна проводить долгие темные вечера в одиночестве, и познакомила с ней племянницу Салли. Двадцатилетняя девушка очень походила на тетю: такая же коренастая и добродушная, так же любила поболтать. Ее присутствие скрашивало долгие осенние вечера. Две юные женщины вместе шили, либо Кэт читала что-нибудь вслух у огня камина. Девушка так понравилась Кэт, что она даже попросила ее остаться у нее и после родов, помочь ухаживать за ребенком. Салли с радостью согласилась.

Фиона и Адам отметили Рождество в Париже вместе со своим кузенами Лесли. В канун Нового года они получили вместе с поздравлениями весточку из Гленкирка. Читая письмо, Адам покачал головой.

— Он все еще не нашел ее: как сквозь землю провалилась. Скажи, любимая, ты могла бы так поступить со мной?

— Нет, — ответила Фиона, на секунду потупившись, но этого мгновения было достаточно, чтобы Адам насторожился.

— Боже мой! Ты ведь знаешь, где она! Точно знаешь! Я прав?

Выражение его лица было таким, что Фиону охватила паника.

— Да, знаю: в нашем доме в Эдинбурге, — но она взяла с меня слово никому об этом не говорить! Я думала, что она уже вернулась домой и вышла замуж! — Неожиданно Фиона рассмеялась. — Ну и отчаянная эта Кэт! Молодчина!

— Ты ведь знаешь, — угрожающе произнес Адам, — что заслужила наказание за свой проступок?

И тут строптивость Фионы вырвалась наружу. Если удалось поставить на колени даже Патрика, то что мешает так же поступить и с Адамом? Попытка не пытка!

— Только попробуй, Лесли, — процедила она в ответ, — и я раздвину ноги перед первым встречным! Больше я не позволю тебе так надо мной издеваться.

С минуту они сверлили друг друга взглядами, а потом Адам расхохотался:

— Кто бы мог подумать, что вы с Кэт такие подруги!

— Мы ими не были, но теперь стали. Нам обоим приходится бороться с высокомерием Лесли. Твой брат назвал Кэт вещью, с помощью которой он будет делать детей. И кто после этого упрекнет ее за то, что сбежала? Кто угодно, но только не я!

— Я должен ему сказать, иначе бедный ребенок родится бастардом.

— Согласна. Посыльный из Гленкирка все еще здесь, так что можешь с ним отправить записку брату. И еще, Адам, скажи Патрику, чтобы обходился с Кэт побережнее. Она любит его, ты знаешь, но хочет быть любимой им ради нее самой, а не только ради будущих детей. Он должен научиться ее уважать. Все, что произошло, случилось исключительно по его вине.

— Я думаю, — решил поддразнить жену Адам, — что замужество пошло тебе на пользу, милая, прямо на глазах становишься мудрее.

Он едва успел увернуться от подушки, летевшей ему в голову.

— Напиши поскорее своему брату, Лесли, и приходи в постель, — заявила Фиона. — Кузина Луиза показала мне сегодня такие забавные картинки, что мне стало безумно интересно, сможем ли мы проделать нечто подобное.

На призывный взгляд супруги Адам Лесли ответил:

— Готов быть самым прилежным и активным вашим учеником, мадам.

ГЛАВА 9

Посланец Лесли без всяких препятствий добрался из Парижа до побережья, но дальше продвинуться не удалось. Разыгрался жестокий зимний шторм, и ни один из капитанов судов не рискнул бы в такую погоду пересечь Северное море. Не то чтобы посланец был против пересидеть ненастье в маленьком уютном трактире, наслаждаясь великолепной кухней и отличным вином, нет, но он знал, что известия, которые предстояло доставить, были чрезвычайно важны для графа. Лорд Адам, перед тем как отправить в путь, дал ему золотой и пообещал, что вторую такую же монету он получит от самого графа.

В конце концов одним ветреным, но солнечным утром посланец встал посреди пивной и, подняв руку с зажатой в пальцах золотой монетой, объявил:

— Это тому, кто сможет доставить меня в Абердин! Вторую такую же он получит от графа Гленкирка, когда мы окажемся там!

К нему подскочил моряк с окладистой черной бородой и, выхватив монету, заверил:

— Если ветер не переменится, я мигом доставлю тебя куда надо.

До Гленкирка посланец добрался утром второго февраля. Граф тут же возместил ему затраты на проезд и вознаградил еще двумя золотыми. Условленную сумму получил и капитан судна.

В тот же день, во второй половине дня, Патрик Лесли выехал из Гленкирка. По дороге граф завернул в аббатство и упросил дядю Кэт, аббата Чарлза Лесли, сопровождать его в Эдинбург.

— Только гнать придется во весь опор, — добавил Патрик. — Эллен говорила, что до родов еще две недели, но с первым ребенком это может произойти и раньше.

Чарлз Лесли кивнул, отправился в свои апартаменты, а когда вернулся, это был уже не аббат, а высокий крепкий мужчина сорока пяти лет, в высоких сапогах и костюме для верховой езды.

— Так мне будет проще появиться в этом еретическом городе Эдинбурге, — пояснил он Патрику, который встретил его удивленным взглядом.

Через несколько дней они уже стояли перед входом в дом Фионы. Дверь им открыла Салли. При виде двух столь представительных мужчин, она вытаращила глаза.

— Дома ли ваша хозяйка? — вежливо поинтересовался граф.

— Да, но сейчас спит, милорд.

Салли представления не имела, кто эти мужчины, но ничуть не сомневалась, что сословия знатного.

— Ничего, мы подождем, когда проснется, — заявил Чарлз Лесли, входя в дом. — Я ее дядя.

Салли проводила мужчин в гостиную и отправилась за миссис Керр. Экономка появилась через несколько минут с подносом в руках и, предложив гостям вино и сухое печенье, представилась:

— Меня зовут миссис Керр. Могу я узнать, что именно вас привело сюда, джентльмены? Моя хозяйка в весьма деликатном положении, и не хотелось бы ее волновать попусту.

— Она еще не родила? — хриплым голосом, выдававшим его волнение, спросил Патрик.

— Нет, сэр. Пока еще нет, но это произойдет в самые ближайшие дни.

— Скажите, миссис Керр, — спросил аббат, — к какой церкви вы принадлежите: к старой или к новой?

Годы религиозных распрей приучили городских обывателей к осторожности, но по какой-то причине миссис Керр не опасалась этих мужчин. Быстро оглянувшись по сторонам, дама без колебаний ответила:

— К старой, сэр.

— Я настоятель Гленкирского аббатства, — представился Чарлз, — а это мой племянник, граф Гленкирк. — Миссис Керр присела в реверансе, а аббат продолжил: — Ваша подопечная, которая называет себя миссис Абернети, в действительности леди Катриона Хей, нареченная графа. По причинам, в которые я не стану вдаваться, моя своенравная племянница уже дважды сбегала от своего жениха. Ныне, однако, время подобных глупостей прошло. Через несколько дней должен родиться ребенок, и он должен, разумеется, быть законным. Если вы будете так добры проводить меня в спальню моей племянницы, то мы сейчас же поговорим с ней об этом.

Миссис Керр молча кивнула, быстро вышла из комнаты и направилась к лестнице. Мужчины последовали за ней. На втором этаже она остановилась и указала пальцем на одну из дверей.

— Это комната госпожи. Позвольте я войду одна и разбужу ее, милорд.

Через несколько минут женщина высунула голову в открытую дверь и жестом пригласила их войти, сама же покинула спальню и поспешила вниз, чтобы рассказать Салли о неожиданном повороте событий.

Катриона в темно-зеленом бархатном домашнем халате стояла спиной к растопленному камину.

— Рада видеть вас, дядюшка. Что привело вас сюда?

На краткий миг она напонила Чарлзу Лесли бабушку Джанет.

— Я приехал, чтобы выслушать брачные обеты, которыми обменяетесь вы с Патриком во время бракосочетания.

— Не стоило предпринимать столь долгую поездку ради ничего, — произнесла она спокойно.

— Племянница! Время твоих родов приближается. Ты носишь в своем чреве наследника Гленкирка. Почему же отказываешь ему в правах, полагающихся по праву рождения?

— Умерьте свой пыл, дядюшка. Я не выйду замуж за того, кому нужна не жена, а породистая кобыла, чтобы рожать сыновей. Его собственность. Он сам мне об этом сказал.

Патрик вздрогнул и с мольбой в голосе проговорил:

— Прошу тебя, Кэт, стать моей женой — ведь я люблю тебя. Я с ума сходил от беспокойства за тебя и ребенка. Пожалуйста, любовь моя, ради нашего сына.

— Нет, милорд, не сына, а бастарда!

Патрик отшатнулся, словно его ударили, и на какое-то мгновение Чарлзу Лесли даже стало жаль племянника. Только теперь он понял, насколько непростой задачей будет уговорить Кэт произнести брачный обет. Он и сам поднялся к своему нынешнему положению настоятеля аббатства, отнюдь не отличаясь кротостью нравов.

— Оставь-ка нас одних, племянник.

Когда Патрик вышел и закрыл за собой дверь, Чарлз Лесли повернулся к Катрионе.

— Ладно, теперь давай поговорим спокойно. Я хочу знать, что же все-таки стряслось. Около года назад вы с Патриком решили пожениться, и ничто не предвещало подобного развития событий.

Кэт вздохнула и опустилась в кресло.

— Поначалу это было всего лишь недопонимание. Фиона рассказала, что спала с ним, и я пришла в ярость: заявлял, что любит меня, а теперь выясняется, что спит с кем попало.

— Ты могла бы просто спросить у него, так ли это.

— Дядя! Его репутация не оставляла сомнений, тем более для юной наивной девушки, какой я была. Кстати, когда он нашел меня в А-Куиле, избил и изнасиловал, а еще назвал вещью, с помощью которой он будет делать детей. А чтобы не оставить мне выбора, пригрозил держать взаперти до тех пор, пока не забеременею.

Аббат молча возблагодарил Господа за то, что в качестве жизненного поприща выбрал служение религии. Женщины, в особенности те, что состояли с ним в родстве, доставляли окружающим одни неприятности.

Кэт продолжила:

— Он называл меня своей собственностью, вещью, с которой он может делать все, что захочет. До тех пор пока Гленкирк не признает меня личностью, а не дополнением к нему самому, я не намерена обсуждать возможность брака с ним.

Чарлз Лесли только вздохнул. Ситуация оказалась хуже, чем он думал, но, проанализировав ее, только усмехнулся: племянница оказалась талантливым стратегом. Теперь она держала графа Гленкирка за глотку. Если он хотел иметь сына — аббат не допускал даже мысли, что родится девочка, — ему придется удовлетворить все ее требования. Поразмыслив, аббат решил попытаться воззвать к материнскому инстинкту Катрионы.

— Ты не испытываешь никаких чувств к своему ребенку, племянница?

— Нет! — отрезала Кэт. — А что, должна?

Чарлз Лесли не сдержался и воскликнул:

— Господь всемогущий! Дитя, ты самое черствое существо из всех, кого я когда-либо знал! Как можно не любить своего будущего ребенка?

68 Кэт расхохоталась.

— Да с какой стати мне испытывать какие-то чувства к ребенку, которого я совершенно не знаю, никогда не видела? Глупости! Что, если я мечтаю о голубоглазом рыжем карапузе, а родится кареглазый брюнет... или того хуже — белокурая девчушка? Представляешь, какое меня ждет разочарование. А если принять во внимание то обстоятельство, что мы с отцом ребенка не в лучших отношениях...

Чарлз Лесли покачал головой.

— Ты намеренно все усложняешь.

— Возможно. Мне сейчас нелегко, дядюшка, я очень устала. Вы с Патриком можете переночевать здесь. Когда спуститесь вниз, пришлите ко мне миссис Керр, и мы решим, как вас поудобнее устроить.

Вернувшись в библиотеку, где его ждал Патрик, Чарлз покачал головой.

— Потребуется время. Она понимает, что все преимущества на ее стороне, и не собирается отступать.

— Но ее необходимо переубедить!

— Тебе придется соблюдать максимальную осторожность. Именно здесь ты допустил свою первую ошибку. Ты полагал, что сможешь поставить Кэт на колени, но ничего не получилось. Она горда и независима, вся в мою бабушку Джанет Лесли, и так же, как она, наряду с упрямством обладает недюжинной мудростью.

— Когда Кэт успела набраться мудрости в своем юном возрасте?

— Ну... она тоже кое-что пережила. Основная проблема заключается в том, что она очень зла на тебя. Она не чувствует твоей любви лично к ней как к женщине, а лишь как к особи, способной рожать. Пожалуй, к этому можно отнести с некоторым юмором: женщины в ее положении порой ведут себя несколько странно.

— Не могу понять, чего она хочет, — пожаловался граф. — Я же люблю ее. Неужели этого недостаточно?

— Нет, племянник, совершенно недостаточно. Ты принимаешь в расчет только свои собственные желания, а она хочет, чтобы ты говорил с ней, обсуждал вопросы, касающиеся вашей совместной жизни. Катриона, кроме всего прочего, воспитанная и хорошо образованная молодая женщина.

Мне думается, Патрик, проблема в том, что до нее **69**

ты общался с не слишком умными дамами и порой низкого происхождения, так что не представляешь, как следует обходиться с леди. Катриона отнюдь не игрушка в чьих бы то ни было руках. И пока ты не поймешь это, она не будет твоей.

Граф покраснел, но еще до того, как успел сказать что-нибудь в свое оправдание, в дверях появилась миссис Керр и пригласила их на обед.

— Присоединится ли к нам ваша хозяйка? — спросил аббат.

— Нет, милорд. Она теперь будет спать до самого вечера.

Обед прошел в молчании. Аббат с радостью отметил для себя, что стол у Кэт более чем приличный. На первое был подан наваристый суп с морковью, ячменем и солидными кусками баранины. Затем последовали свежайшие устрицы, хорошо прожаренная говядина, жирный каплун, артишоки в укусе, пирог с кроличьим и оленьим мясом. На столе стоял также только что испеченный хлеб и сладкое масло. В качестве десерта гостям предложили фруктовый торт с персиками, яблоками и орехами, а также сыр. Кубки постоянно наполнялись белым и красным вином.

Отдыхавшись после столь обильного угощения, аббат заметил:

— Вы с Катрионой точно не будете голодать, племянник. Уж что-что, а кухня здесь отличная.

— Если только мне удастся уговорить ее стать моей женой, — вздохнул Патрик.

Зимний вечер тянулся долго. Аббат уединился в отведенной ему комнате, чтобы вздремнуть и затем вознести молитвы. Патрик, которому не сиделось на месте, набросил на плечи плащ и вышел прогуляться. Серый февральский день дышал холодом, в воздухе ощущался доносимый ветром запах снега: ближе к ночи наверняка разразится снегопад. Он решил пройтись пешком, чтобы улеглась душившая его ярость, готовая вырваться наружу. Заметив вывеску небольшой ювелирной лавки, он зашел туда. Владелец, сразу распознав солидного клиента, вышел к прилавку, и любезно спросил, чего желает господин.

— Хотелось бы посмотреть кольца.

— Разумеется, милорд. Окажите честь, присядьте...

Он шелкнул пальцами, и тут же его помощник вынес

70 удобное кресло.

Устроившись, Патрик уточнил:

— Кольцо для леди.

— Да-да, — улыбнулся ювелир. — Ваша светлость желает приобрести подарок для подруги...

Он снова щелкнул пальцами, и второй помощник, по-старше, вынес из подсобного помещения обтянутую черным бархатом деревянную паллету с кольцами.

Патрик придирчиво осмотрел образцы и презрительно обронил:

— И это все? А ничего получше у вас нет? Я все-таки покупаю кольцо для жены, а не для уличной девки.

Тут же появилась вторая паллета.

— Вот это уже что-то стоящее, — улыбнулся Патрик.

В углублениях на бледно-голубом бархате располагались четыре кольца: бриллиант, ограненный в форме капли, рубиновое сердце, круглый сапфир и четырехгранный изумруд. Все камни имели богатую оправу из золота. Тщательно осмотрев каждое из колец, Патрик осведомился о цене и остановил выбор на том, что с рубином в виде сердца.

— Я возьму вот это, но при условии, что вы пошлете одного из ваших помощников на Голдсмитс-лейн: пусть скажет господину Кира, что граф Гленкирк просит прислать специалиста для оценки.

Хозяин лавки кивнул и тут же отправил посыльного. Его цены были вполне честными, так что бояться было нечего. Заполучить такого клиента, как граф Гленкирк, значило поймать удачу за хвост. Посыльный вскоре вернулся, а вместе с ним в лавку вошел солидный господин.

Граф поднялся и тепло пожал руку новоприбывшему.

— Милорд, очень приятно вас видеть снова. Когда вы прибыли в Эдинбург?

— Только сегодня. Мне составил компанию дядя Чарлз. Мы остановились в доме моего брата неподалеку от Хай-стрит.

— Да, я знаю этот дом. Как раз накануне отъезда во Францию мы беседовали с лордом Адамом и его супругой.

Он улыбнулся графу.

— Итак, вы решили приобрести какое-то украшение?

— Да, для моей будущей жены леди Катрионы.

— Ах вот как! — воскликнул ювелир, сделав вид, как человек, хорошо воспитанный, что подробности

бракосочетания Гленкирка ему неизвестны. — Прошу вас, покажите то кольцо, мастер.

Приложив к одному глазу небольшую лупу, он принялся тщательно изучать рубин.

— Мм! Да. Хм. Ну что же... Очень хорошо. Просто отлично. Он передал кольцо Патрику и повернулся к хозяину.

— Что ж, мастер Эйди, прекрасный камень. Отличная огранка, чудесная оправка. Итак, ваша цена?

Ювелир назвал стоимость кольца, и консультант удовлетворенно кивнул.

— Вполне приемлемо. В сущности, милорд, вы совершаете весьма выгодную покупку. — Повернувшись к мистеру Эйди, ювелир спросил: — Не позволите взглянуть на другие кольца, которые вы предлагали графу?

Тщательно изучив бриллиант, сапфир и изумруд, поинтересовался их стоимостью и вынес вердикт:

— Слишком низкая цена, мастер Эйди. Поднимите на изумруд на двадцать процентов, а на бриллиант и сапфир — на десять.

Расплатившись с хозяином лавки и поблагодарив консультанта за оценку, Патрик распрощался с обоими джентльменами и отправился на Хай-стрит. Серо-синие сумерки затопили город, крупными хлопьями падал снег. Дверь открыла Салли и, приняв у него плащ и шляпу, пригласила в гостиную:

— Присядьте, согрейтесь у камина, милорд, а я принесу вам горячего вина с пряностями.

В гостиной он обнаружил Чарлза и Катриону, поглощенных игрой в шахматы. Молча он сел неподалеку и принялся наблюдать. Вошла Салли, поставила рядом с ним кубок, и он с удовольствием стал пить медленными глотками, наслаждаясь сладостью вина, остротой специй и нежным теплом, которое начало обволакивать тело.

— Шах и мат, — раздался голос Чарлза.

— Для аббата вы слишком хорошо играете в шахматы, — капризно отозвалась Кэт.

— Как правило, я выигрываю, если настроен на выигрыш.

— Это в вас говорит Лесли, — рассмеялась девушка. — Почему-то мне кажется, что в ваших словах есть какой-то подтекст.

— Совершенно верно, дитя мое. И вот что я хочу сказать. Каковы бы ни были ваши разногласия с Па-

триком, ребенок в них неповинен. Не лишайте его шанса появиться на свет законнорожденным.

Катриона пожала плечами и поднялась из-за стола.

— Спокойной ночи, дядюшка. Что-то я устала.

Присев в реверансе, она выплыла из комнаты, при этом ни разу даже не взглянув на Патрика, будто его здесь и не было.

— Так бы и отшлепал эту строптивницу, — буркнул аббат.

— Не поможет, — со вздохом отозвался граф.

Аббат фыркнул.

— Ладно, завтра еще раз попытаюсь ее урезонить. Ну а теперь ухожу спать. Тому, кто намерен тягаться с Катрионой Хей, нужно как следует есть и спать.

Патрик подошел к окну и стал смотреть на падающий снег. К этому времени снегопад усилился, и на пустынных улицах постепенно вырастали сугробы. Дверь в гостиную тихонько отворилась, и вошла Салли с подносом в руках.

— Вот, хозяйка прислала вам ужин: наверное, вы проголодались после прогулки. Они с сэром Чарлзом поужинали пораньше. Приятного аппетита.

Ужин оказался на славу: вареные креветки, холодная ветчина, поджаренный хлеб, масло и кувшин темного пива. Когда Салли вернулась, Патрик уже расправился с едой, и она с улыбкой поставила перед ним тарелку печенья и миску блестящих красных яблок. Все печенье было тут же съедено, а заодно с ним и пара яблок. Салли, унося поднос с посудой, заметила:

— Сплошное удовольствие смотреть, как вы едите, милорд! Прямо как мой брат Иэн. А теперь, сэр, если вы заглянете в этот шкаф, то найдете там отличное виски. Желаете еще что-нибудь, а то я собираюсь лечь спать?

— Нет-нет. Большое спасибо. Ступай к себе.

Оставшись в одиночестве, он налил себе виски и медленно выпил, наслаждаясь обжигающим дымным вкусом. И в этом Катриона оказалась на высоте: отыскала хорошую винокурню. Кэт! Ах, милая Кэт! Сколько боли он ей причинил! И как теперь искупить все это? Дядюшка, конечно, завтра пустит в ход все свои дипломатические уловки, но Патрик вдруг понял, что должен поговорить с ней сегодня, сейчас.

Поставив стакан на каминную полку, Патрик быстрым шагом вышел из гостиной. Салли оставила ему

зажженную свечу у нижней ступени лестницы. Взяв ее, он стал медленно подниматься вверх, страшась того момента, когда предстанет перед Кэт. Остановившись перед ее дверью, он негромко постучал. Пару секунд ответа не было, и он решил, что она уже спит, но тут дверь открылась и она предстала перед ним все в том же зеленом бархатном халате, с распущенными по плечам густыми волосами цвета темного меда.

— Патрик? — произнесла она негромко и нежно. — Ты хочешь войти?

Она повернулась и пошла в глубь комнаты, предоставляя ему решать: входить или продолжить путь.

Он шагнул следом и плотно закрыл за собой дверь. В камине горел огонь, освещающая комнату. Она уже вернулась в постель, облокотившись на две большие подушки. Он подтянул кресло поближе к кровати и опустился в него.

— Полагаю, сегодня мне можно не бояться, что вы наброситесь на меня и изнасилуете. Тогда что же вам угодно? — спросила Катриона холодно, сложив руки на своем огромном животе.

— Я хочу поговорить с тобой. Давай оставим дипломатию и такт для нашего дядюшки аббата и скажем друг другу всю правду. Пожалуй, начну. Я полный идиот, Кэт!

— Совершенно верно.

— Я люблю тебя! Но сделанного не воротишь. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня? Я сделаю все, что угодно, лишь бы завоевать тебя, вернуть твое доверие.

— Сможешь ли ты изменить свои взгляды? Такой будет моя цена. Я не желаю быть собственностью: ни твоей, ни чьей-либо еще, — а также не намерена быть только женой лорда Гленкирка. Я Катриона Лесли, личность, и если ты будешь воспринимать меня таковой и вести себя со мной надлежащим образом, все станет возможным. Надеюсь, я понятно объяснила?

— Я стараюсь понять. Возможно, мне стоит выделить какую-то часть твоего приданого в твое личное распоряжение?

— Это вовсе не то, что я имела в виду, но если ты заговорил о финансовой стороне вопроса, что ж. Капиталовложения, которые оставила мне бабушка, были включены в мое приданое. По-моему, это неправильно. Они должны

быть только моими, и я хочу получить их обратно. А-Куил также принадлежит только мне. Усадьба была собственностью моей бабушки по отцу, она завещала ее мне, а этот дом отписала Фионе. Боже мой, Патрик! Ты ведь знал бабушку куда лучше, чем я, и тебе наверняка известно, как она ратовала за то, чтобы у женщины имелась какая-то собственность.

— Разумеется, ты можешь получить А-Куил обратно, но что касается капиталовложений, любимая, я никак не могу позволить тебе, не искушенной в финансовых вопросах, растратить то, что бабушка оставила просто из своей прихоти.

— В таком случае не имеет смысла продолжать этот разговор. Спокойной ночи, Патрик.

Катриона решила не говорить ему, что уже в течение двух лет распоряжается инвестициями, которые оставила ей бабушка. Следуя блестящим советам банкиров семьи, Катриона сделала самые доходные — среди праправнуков Джанет Лесли — капиталовложения. У нее обнаружился талант к банковским делам и почти сверхъестественное чутье, но она не стала говорить Патрику об этом. Решение вернуть то, что принадлежало ей по праву, должно исходить от него.

Лежа к нему спиной, она услышала, как дверь в ее комнату тихо закрылась. Перевалившись на другой бок, она обвела комнату взглядом, но никого не увидела. Патрик ушел. Катриона почувствовала, как слезы — горячие и соленые — текут по щекам. Несмотря на всю свою выдержку, она вовсе не чувствовала уверенности. Ребенок, которого она носила, должен стать наследником Гленкирков, и она хотела, чтобы он при рождении получил оба законных имени, но уступить Патрику она не была готова до тех пор, пока он не согласится на ее условия. Словно почувствовав ее волнение, ребенок толкнулся в ее чреве, и она успокаивающе положила ладонь на живот.

— Все хорошо, Джейми. Твой отец все равно рано или поздно сдастся.

А будет это очень скоро, она знала, поскольку младенец мог появиться на свет в любой момент. Неожиданно она задумалась, испытывает ли Патрик такое же беспокойство, как она, и лежит ли сейчас без сна в своей кровати, как она.

ГЛАВА 10

Снегопад продолжался всю ночь, так что наутро Эдинбург проснулся в сверкающем на бледном солнце серебристо-белом облачении. Катриона встала с кровати, справила малую нужду в ночную вазу и снова забралась под теплое одеяло. Спустя несколько минут в спальне появилась Салли, чтобы растопить огонь в камине. На подносе, который она принесла, стояло горячее молоко со взбитыми яйцами и пряностями и тарелка с только что испеченными лепешками, политыми растопленным маслом и клубничным джемом.

— Да благословит тебя Господь, — поблагодарила Катриона, подаваясь вперед всем телом, пока Салли взбивала ей подушки. — У меня сегодня волчий аппетит. А что, бекона нет?

— Возможно, остался, миледи, — улыбнулась Салли. — Начните пока с этого, а я спрошу у миссис Керр.

Катриона выпила молоко и с аппетитом принялась за лепешки.

— Ты выглядишь как десятилетняя девчонка, а не как женщина накануне родов, — засмеялся Патрик, входя в комнату. — У тебя все лицо в джеме. Вот, кстати, и бекон, мадам.

Он грациозно поставил перед ней целую тарелку.

— Благодарю вас, милорд, — поблагодарила Катриона и, подцепив вилкой самый большой кусок, принялась с наслаждением жевать.

— Могу я присоединиться к тебе, Кэт?

— Если здесь хватит на двоих.

— Не беспокойся, Салли принесет и мне!

Катриона дождалась, когда служанка вернется, расставит тарелки с едой и выйдет из комнаты, и лишь потом продолжила разговор:

— Ты, как всегда, уверен в себе, да, Патрик?

— Черт возьми, Кэт! Ты и дальше намерена говорить со мной в таком тоне? Так и будешь ехидничать?

— До тех пор пока не получу то, что принадлежит мне по праву, ничего вообще не будет!

Она с аппетитом принялась за очередную лепешку, и растопленное масло потекло у нее по подбородку.

— Ты хочешь доказательств, что я не обманываю тебя?

76 Он едва сдерживал изумление, которое охватило его.

— Ну да, — подтвердила она спокойно. — Если угодно, можно заключить пари, но я уверена, что выиграю?

— Каковы же будут ставки, мадам?

— А-Куил против дома в Эдинбурге, но мне будет позволено самой его выбрать.

— Если выиграешь, милая.

— Непременно, — заявила Катриона, подбирая последний кусочек бекона.

Патрик расхохотался, наслаждаясь ее ничем не обоснованной самоуверенностью. Эту черту характера он раньше не знал, и она ему нравилась.

— Если мне удастся найти приличный экипаж, ты согласишься отправиться со мной на прогулку?

— Конечно. Уже несколько недель я не была на воздухе. Только вот с моими габаритами это не будет трудновато?

У Бенджамина Кира отыскались сани, привезенные из Норвегии: красного цвета, расписанные черно-золотыми узорами, — и пара вороных. Граф усадил Катриону поудобнее, укрыл несколькими меховыми накидками и, взяв в руки вожжи, повез на прогулку по городу.

Красота Катрионы Хей не осталась незамеченной. То и дело Патрик ловил восхищенные взгляды, которые кто-нибудь из прохожих бросал в ее сторону. Его это страшно злило, и он посылал в ответ такие молнии, что любители прекрасного пола спешили свернуть с дороги.

Катриона была закутана в коричневый бархатный плащ, капюшон которого, отделанный соболиным мехом, выгодно оттенял нежную кожу ее личика в форме сердечка. Несколько прядок цвета темного меда выбились из-под капюшона и восхитительно контрастировали с темным мехом. Глядя на нее, Патрик готов был согласиться на что угодно, даже на это нелепое имя для сына. Он любил эту своевольную лисицу и знал, что если позволит ей снова ускользнуть, то уже никогда не получит обратно.

— Я проголодалась, Гленкирк, — ее голос отвлек его от размышлений.

— На окраине города есть отличная таверна, милая. Можем туда заглянуть.

Он лихо завернул сани во двор «Ройял скотт» и, соскочив на землю, бросил вожжи подбежавшему служа-

щему. Катриона запуталась в своих меховых одеяниях, и Патрик подхватил ее на руки и так, не давая ступить в глубокий снег, занес ее прямо в таверну.

— Отдельный кабинет, сэр? — спросил хозяин.

— Нет, не надо. Мы прекрасно устроимся в общем зале, если только там не слишком многолюдно.

Их устроили за столиком у окна, неподалеку от жарко пылающего камина. Патрик помог ей снять плащ. Катриона была одета в простое спадавшее свободными складками коричневое бархатное платье с кружевным воротником и манжетами. Тяжелая золотая цепь с топазами резко контрастировала с нарочитой скромностью ее наряда. Ничем не сдерживаемые волосы рассыпались по плечам.

Хозяин таверны, даже не ожидая заказа, сам принес им кубки с горячим вином, приправленным пряностями.

— Мы страшно голодны, — сказал граф. — Так что несите нам все лучшее, и побольше.

Не успели они допить вино, как появился слуга с нагруженным подносом. Первым блюдом были креветки и устрицы, сваренные в изысканном соусе из трав, свежий, только что испеченный хлеб и масло. За ними последовали артишоки в укусе и оливковом масле и салат из капусты. Следом на столе появилась утка, запеченная на открытом огне до хрустящей корочки и политая кисло-сладким лимонным соусом, поджаренные говяжьи ребрышки, тонкие розоватые ломтики молодой баранины под розовым вином и розмарином, целиком запеченная на гриле форель и маленькие слоеные пирожки, начиненные измельченной олениной, зайчатиной и фруктами. На десерт была подана большая миска запеченных персиков и яблок, залитых взбитыми сливками и посыпанных разноцветным сахаром. Все это сопровождалось желе, засахаренными орехами и маленькими стаканчиками укрепляющего вина со специями. Катриона, которая всегда любила поесть, ничуть не стеснялась и перепробовала все, причем с таким аппетитом, что это выглядело забавно. Наконец, насытившись, она заявила:

— Что-то меня клонит в сон, Гленкирк! Отвези меня домой.

Патрик оплатил счет, поблагодарил хозяина таверны за великолепные блюда и обслуживание, и, раздав чаевые,

78 усадил Катриону в сани. Дома Кэт сразу отправилась

к себе, а Гленкирк повез сани Бенджамину Кира, а когда вернулся, Салли предупредила его, что хозяйка в своей комнате отдыхает. Патрик поднялся на второй этаж и постучал в дверь ее спальни. Получив разрешение войти, он увидел Катриону в постели, одетую в светло-голубой шелковый домашний халат.

— Похоже, я обьялась, — заявила она, — так что собираюсь поспать. — Вытянув руку, она похлопала по кровати, приглашая его присесть. — Спасибо тебе за прогулку. Мне было весело.

— Мне тоже, любовь моя.

Наклонившись, он нежно поцеловал ее. В ответ она взяла его руку и положила на свой живот. Лицо его осветилось неопишуемой нежностью, когда он почувствовал толчок.

— Да, любимый! Мой Джейми — сильный и здоровый ребенок, — рассмеялась Катриона.

Она сказала именно «мой», но не «наш». Патрик был уязвлен этим, но постарался скрыть свои чувства и смог бодро произнести:

— Наш Джейми, Кэт. Он ведь и мой сын.

— Нет, милорд Гленкирк. Я тебе вчера уже говорила. Этот ребенок только мой сын, а твой — бастард.

— Спокойной ночи, — негромко произнес Патрик, встал с кровати и вышел из комнаты.

Он уже был почти готов сдаться. Катриона это чувствовала, поэтому использовала любые уловки, чтобы ослабить его волю и подвигнуть к этому решению. Она знала, что он хочет ее, и это ничуть не шокировало, поскольку она не менее страстно желала его. Но пока Патрик не согласится на все ее условия и не изменит свое поведение, совместной жизни не будет. Она заснула, прикидывая, сколько еще времени пройдет, прежде чем он признает свое поражение.

Пока она спала, Патрик узнал весьма интересные факты от своего дядюшки. Аббат провел все утро в библиотеке, ожидая возвращения племянников, и был весьма доволен собой: похоже, его разговоры с Катрионой начали приносить свои плоды. Когда Патрик вошел в библиотеку, аббат спросил:

— Ну что, племянничек, когда намерены венчаться?

— Не сейчас, дядюшка. Она все еще не готова стать моей женой.

— Господи! Чего ей надо-то? Ты хоть понимаешь? Что до меня, то я наотрез отказываюсь ее понимать.

Патрик рассмеялся.

— Думаю, она не желает, чтобы с ней обращались как с движимым имуществом.

— Какая ерунда! — бросил аббат. — Кто же еще женщина, если не движимое имущество? Ведь даже эти еретики-протестанты этого не отрицают.

— Тем не менее, — продолжал Патрик, — она хочет, чтобы с ней обращались как с равной, и требует, чтобы как А-Куил, так и капиталовложения, оставленные ей бабушкой, не включали в ее приданое, а законным образом вернули ей. Пока это не будет сделано, замуж за меня она не выйдет.

Подумав с минуту, аббат заговорил:

— Моя матушка тоже считала, что женщине полагается иметь какую-то собственность, поэтому проследила, чтобы все ее внучки и правнучки получили такую-то плюс некоторые капиталовложения. Сумасшедшая идея! Чепуха полная! Если Грейхейвен включает А-Куил и капиталовложения в качестве приданого Катрионы, значит, они, разумеется, принадлежат тебе.

Прослушав рассуждения дядюшки, Патрик внезапно осознал всю их несправедливость и смог понять гнев Катрионы.

— Но я обещал вернуть ей А-Куил. Кстати, она производила какие-нибудь операции со своими инвестициями или же только получала дивиденды?

— Грейхейвен что-то говорил мне по этому поводу, но я не помню что именно. Надо бы спросить в банке.

— Именно это я и собираюсь сделать, — сказал Патрик. — Но, дядюшка, если вы хотите, чтобы мой сын был законно-рожденным, ничего не говорите Катрионе о нашем разговоре. Я собираюсь навестить в банк. Если она спросит обо мне, когда проснется, скажите, что я отправился прогуляться.

Но когда Катриона Хей проснулась, ей и в голову не пришло думать о Патрике. Ее тело пронзила такая боль, что она едва не потеряла сознание, а когда попыталась подняться на ноги, почувствовала, как из нее хлынула вода. На ее крик прибежали миссис Керр и Салли. Экономке хватило пары секунд, чтобы оценить ситуацию, и она обняла Кэт

80 за плечи, чтобы успокоить.

— Не волнуйтесь, миледи, просто ваш малыш решил, что ему пора выбираться на белый свет. Салли, девочка, принеси-ка побольше полотенец. Вам очень больно?

— Немного. Боль то появляется, то исчезает.

— Так и должно быть, — кивнула миссис Керр. — Салли! Ступай к аббату и скажи, что нам нужна его помощь: надо принести стол. А пока что, миледи, ложитесь-ка в постель.

Она помогла Кэт забраться на кровать, а Салли бегом спустилась по лестнице в библиотеку, где Чарлз Лесли спокойно дремал перед камином. Девушка осторожно тронула его за плечо.

— Сэр! Сэр!

Чарлз сонно приоткрыл глаза.

— У госпожи начались роды, сэр, и нам нужна ваша помощь. Принесите наверх стол.

От услышанной новости аббат мгновенно пришел в себя.

— Граф уже вернулся?

— Нет, сэр.

— Проклятье! Мне придется отправиться за ним и привести сюда.

Салли успокаивающе коснулась его руки.

— Милорд, сейчас в кухне находится мой младший брат. Он и приведет графа. Время еще есть. Первые роды длятся довольно долго.

— Дай своему брату вот это, — сказал Чарлз, протягивая Салли медную монету. — Когда вернется, получит еще и серебряную.

— Благодарю вас, милорд. Если вы пока побудете здесь, то я отправлю его за графом.

Она побежала в кухню, где ее десятилетний брат активно работал ложкой, справляясь с бараньей похлебкой.

— Держи, Робби. Беги-ка в банк на Голдсмитс-лейн, спроси там графа Гленкирка и скажи ему, что его сын вот-вот появится на свет. Если служащие не захотят беспокоить графа, то скажи, что речь идет о жизни и смерти, но больше ничего не говори. — Салли дала брату медную монету и добавила: — Когда вернешься, получишь еще одну, серебряную.

Зажав в кулаке монету, парнишка схватил свою курточку и выбежал из дома.

Тем временем Гленкирк преспокойно попивал турецкий кофе и со все растущим удивлением слушал,

как нынешний глава эдинбургского банка Бенджамин Кира повествовал о финансовых талантах Катрионы Хей.

— Она почти в три раза увеличила свои капиталовложения за последние два года, — подвел итог банкир.

— Безусловно, это вы подсказывали ей, что и как следует сделать, — предположил Патрик.

— Да, но это было давно. Когда ей было двенадцать лет, она написала мне письмо, в котором спрашивала, не соглашусь ли я наставлять ее в финансовых вопросах. Я начал с самого простого, поскольку не был уверен, серьезно ли она настроена и обладает ли достаточным для этого интеллектом. Чем больше я с ней занимался, тем больше она хотела знать. Она буквально поглощала знания и все понимала. Два года назад она уже могла проводить собственные операции. Около полугода она еще консультировалась со мной, прежде чем что-то предпринять, но потом действовала исключительно по своим соображениям. Она умна, чрезвычайно умна. Не буду скрывать, что порой я и сам следовал ее советам, заработав на этом кругленькую сумму!

Патрик, обескураженный этим признанием, уточнил:

— Вы хотите сказать, что, когда леди Катриона давала вам какие-то распоряжения относительно своих капиталовложений, вы следовали ее советам и тоже вкладывали туда же собственные капиталы?

— Да, милорд.

— Известно ли вам, что владелец Грейхейвена передал мне состояние леди Катрионы год назад, когда был назначен день свадьбы?

— Нет, этого я не знал, милорд, нас никто не поставил в известность. Леди Хей продолжала управлять своими активами, причем особенно интенсивно, когда оказалась здесь, в городе.

— И она продолжит заниматься этим. Ваш брат Абнер, насколько я знаю, юрист, не так ли?

— Да, милорд.

— Если он в городе, я бы хотел, чтобы он немедленно разработал договор, в соответствии с которым леди Хей немедленно возвращается вся ее собственность. И еще: она никогда не должна узнать, что мы с вами разговаривали о ее денежных операциях. Буду с вами откровенен, друг мой: леди

82 Хей носит моего ребенка, но отказывается выйти за

меня замуж, как это было оговорено год назад, до тех пор пока я не верну ей ее собственность. Естественно, я не хочу, чтобы следующий Гленкирк стал незаконнорожденным, но она так упряма, что ни я, ни мой дядя аббат не смогли ее уговорить.

— Я немедленно пошлю за братом и его помощником, милорд. Вы можете на меня положиться. Женщины, даже самые лучшие, существа непредсказуемые, а накануне родов так прямо опасные, так что будет лучше деликатно пойти им навстречу.

Пока они ожидали юриста, в комнату впустили юного Робби.

— Этот парень, — сказал служащий, — говорит, что он должен увидеть господина графа, поскольку речь идет о жизни или смерти.

— Что случилось? — спросил Гленкирк.

— Меня зовут Робби Керр, я брат Салли. У ее хозяйки начались роды.

— Боже! — воскликнул Патрик. — Ребенок уже появился на свет?

— Нет, сэр, — немного растерялся парень. — Ведь роды только начались.

— Для своих лет ты неплохо осведомлен. Сколько тебе: девять, десять? — спросил граф.

— Десять, сэр. Дело в том, что, кроме меня, нас еще шестеро.

— Господь щедро одарил твою мать, юный Робби, — заметил банкир.

— Нет, сэр. Матушка умерла, когда рожала меня, а еще шестерых родила мачеха.

Граф побледнел, и, заметив это, банкир предложил:

— Я отправлю с мальчишкой свою жену. Она трижды рожала, поэтому сможет позаботиться о вашей леди, сэр. Не беспокойтесь: первые роды всегда длятся довольно долго, так что времени у вас вполне достаточно.

Когда Абнер Кира и его помощник вошли в комнату, банкир и Робби уходили, намереваясь найти госпожу Кира. Супруги поговорили между собой на незнакомом Робби языке, похожем на гэльский, и миссис Кира посмотрела на мальчика.

— Что ж, пошли, проводишь меня.

Дверь им открыла Салли.

— Я жена мистера Бенджамина Кира. Его светлость граф просил меня узнать, как состояние его жены.

Салли присела в книксене.

— Пожалуйста, присаживайтесь, мадам, а я позову тетю. Она сейчас как раз находится у мисс Катрионы.

Спустившись по лестнице, миссис Керр засуетилась.

— Ох, Салли, как можно было оставить гостью в прихожей? Пойдемте в гостиную, я угощу вас бренди.

— Благодарю вас, миссис Керр, — улыбнулась Энн, — но я должна спешить обратно. Его светлость, как и всякий новоиспеченный отец, сходит с ума. Как себя чувствует леди?

— Не надо волноваться. Все идет нормально. Первые роды, так что не раньше, чем через несколько часов.

— Уверена, он вернется задолго до этого, — мягко произнесла миссис Кира.

Женщины понимающе переглянулись и, не стовариваясь, рассмеялись.

Вернувшись домой, Энн Кира заверила графа, что причин для беспокойства нет. К этому времени Абнер Кира уже составил документ, который делал Катриону Мэри Хей Лесли, графиню Гленкирк, единственной владелицей А-Куила и активов, оставленных ей Джанет Лесли. Этот документ был составлен в двух экземплярах, подписан Патриком Лесли, графом Гленкирком, и засвидетельствован братьями Бенджамином и Абнером Кира. Один экземпляр этого документа должен был постоянно храниться в одном из сейфов банка, а второй взял с собой граф, спрятав под плащом, так как к ночи снегопад усилился. Теперь Катриона выйдет за него замуж, у нее не будет причин отказать.

— Еще нет, — не дожидаясь его вопроса, объявила Салли, впуская графа в дом и принимая у него плащ.

— Где сэр Чарлз?

— В библиотеке, ваша светлость.

Гленкирк быстро пересек холл и буквально ворвался в библиотеку.

— Смотри, дядюшка Чарлз, я наконец достал то, что ей нужно, чтобы выйти за меня замуж. Я сделал так, как хо-

тела Катриона, и должен сказать ей об этом.

Не дав времени аббату даже открыть рот, он взбежал по лестнице, перескакивая через две ступени, и ворвался в спальню.

Длинный стол, покрытый сложенными в несколько слоев простынями и наклоненный к одному концу, стоял перед зажженным камином. На столе, опираясь спиной о подушки, полусидела Кэт. Граф обвел комнату удивленным взором, а миссис Керр заметила:

— Роды довольно кровавое дело, милорд. Я не хотела вконец испортить чудесный матрас и пуховое одеяло.

Патрик обошел стол и, не говоря ни слова, вложил в руки Кэт свернутые бумаги. Она сломала печать, развернула пергамент и быстро прочитала. Потом на секунду закрыла глаза, переживая родовую схватку, а когда та прошла, подняла на него взгляд наполненных слезами глаз и негромко произнесла:

— Спасибо тебе, Патрик.

— Катриона Хей, мы с тобой были обещаны друг другу более двенадцати лет назад. В эти минуты рождается наш ребенок. Скажи, готова ли ты выйти за меня замуж? — Помолчав, он улыбнулся и продолжил: — Кроме того, этот документ выписан на Катриону Мэри Хей Лесли, графиню Гленкирк. Ты просто обязана выйти за меня замуж, чтобы получить свою собственность!

— Патрик, — произнесла Кэт, — ты выполнил обещание, но ведь это еще не все. Изменил ли ты свое отношение ко мне? Кто я для тебя?

Вопрос был непростой, и Патрик понимал, что их судьба — всех троих — зависит от его ответа.

— Ну, во-первых, Катриона Хей — умная, образованная леди и прекрасная женщина, — осторожно начал он. — Во-вторых, моя будущая жена, на что я очень надеюсь, моя хозяйка, мой друг, а также мать наших детей. В тебе заключена не одна-единственная женщина, моя милая, а много разных, и с некоторыми из них я уже познакомился.

— Патрик, — улыбнулась она сквозь приступ боли, — вот теперь я верю, что ты начинаешь меня понимать, хотя для тебя это было отнюдь не легко. Спасибо тебе.

Он был почти уверен, что теперь она согласится на брак, и почувствовал невероятное облегчение.

— Да, мой господин... моя любовь... мой дорогой друг и недавний враг! Я помню наше соглашение и выполню свое обещание: выйду за тебя замуж.

В этот момент, словно по условному знаку, в спальне появился аббат с переносным алтарем в руках.

— Прекрасно, племянница! И больше никаких глупостей! Если ты не в состоянии сама произнести брачные обеты, то это сделаю за тебя я! Не думаю, что сейчас ты сможешь встать.

— В этом нет никакой нужды, дядюшка. Если вы дадите мне пять минут и оба выйдете из комнаты, я подготовлюсь к бракосочетанию. — Она сморщилась от боли, потом выдохнула и обратилась к Салли: — Мое темно-красное бархатное платье. Ох, боже мой!

Мужчины быстро вышли, а Салли с сомнением заметила:

— Боли учащаются, миледи. Не уверена, что вам следует вставать.

— Это всего на несколько минут. Не могу же я выходить замуж лежа на родильном столе!

Новый приступ боли пронзил все ее тело.

Салли как раз помогала Катрионе сменить домашний халат на тяжелое бархатное парадное платье, когда в гостиную вошла миссис Керр.

— Милорд аббат, прошу вас, поспешите с церемонией. Схватки неожиданно участились. Новый Гленкирк может появиться на свет с минуты на минуту.

Чарлз кивнул, но в этот момент Салли высунула голову в приоткрытую дверь и оповестила:

— Миледи желает, чтобы церемония состоялась в парадном зале у камина.

Пока миссис Керр и аббат спорили, Патрик широкими шагами прошел в спальню. Дрожа от слабости, Катриона стояла, облаченная в вишнево-красное бархатное платье. Ее длинные тяжелые волосы были сколоты золотыми и жемчужными шпильками. Патрик, заметив выражение боли во взгляде, молча обнял ее. Никто не произнес ни слова. Подняв ее на руки, он осторожно вынес невесту из комнаты и быстро зашагал к парадному залу. Аббат, миссис Керр и Салли едва поспевали за ним.

Чарлз Лесли открыл молитвенник и начал церемонию.

86 Патрик и Кэт стояли перед ним. Ее рука лежала на